

КАФЕДРА РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Рижскій Иванъ Степановичъ, происходилъ изъ духовнаго званія, получилъ образованіе въ Псковской, а потомъ въ Троицко-Лаврской семинаріи. По семинарскому обычаю, И. С. получилъ новую фамилію Рижскаго, по мѣсту рожденія его въ Ригѣ. Рижскій, какъ носитель и распространитель европейскаго просвѣщенія, вполне оправдалъ свою фамилію по сравнительно высокому культурному центру Прибалтійскаго края. Несомнѣнно, Рижскій усиленно работалъ надъ самообразованіемъ, въ положеніи преподавателя Троицко-Лаврской семинаріи и Горнаго училища, переименованнаго потомъ въ Горнокадетскій корпусъ, одного изъ лучшихъ въ то время учебныхъ заведеній. Еще будучи преподавателемъ Троицкой семинаріи, И. С. Рижскій напечаталъ двѣ книги, заключавшихъ въ себѣ обзоръ государственныхъ и религіозныхъ римскихъ древностей (въ 1784—1788 годовъ). Въ бытность учителемъ Горнаго училища И. С. Рижскій составилъ и издалъ два руководства, которыя были признаны классическими и по которымъ учились въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ нѣсколько поколѣній,—Логику (въ 1790 году) и Риторику (въ 1796 году). Съ 1786 по 1799 г. Рижскій преподавалъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ латинскій языкъ, исторію, географію, риторику, логику, сверхъ того руководилъ переводами съ французскаго языка на русскій книгъ по горному дѣлу и исправлялъ должность инспектора корпуса. Лично Рижскій перевелъ съ французскаго сочиненіе академика Палласа «Физическое и топографическое описаніе Тавриды». Въ 1802 году за свои ученые труды онъ былъ избранъ въ члены Россійской академіи и участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ ея предпріятіяхъ, въ составленіи словаря, въ переводѣ Цицерона. Въ 1803 г., 7 февраля, Рижскій былъ назначенъ профессоромъ русской словесности и краснорѣчія въ Харьковскій университетъ, за два года до его открытія. Рижскому тогда было 44 года. Это было счастливое назначеніе. Рижскій былъ въ цвѣтѣ здоровья и умственныхъ силъ и всецѣло отдался новому учрежденію.

Рижскій принималъ весьма дѣятельное участіе въ работахъ, предшествовавшихъ открытію университета, въ подготовительномъ комитетѣ, въ положеніи председателя. Комитетъ, открытый 11 апрѣля 1804 года и состоявшій изъ немногихъ профессоровъ, работалъ усердно въ теченіе года. По словамъ жены Рижскаго, послѣднему пришлось проявить большую осторожность и дѣятельность, чтобы согласовать «волю правительства, недостатокъ средствъ и духъ публики, чуждавшейся новостей, ей неизвѣстныхъ или представляющихся въ превратномъ видѣ».

17 января 1805 г. на торжественномъ актѣ открытія университета И. С. Рижскій сказалъ рѣчь: «Объ изящныхъ наукахъ», небогатую по содержанию, но блестящую по формѣ, какъ того требовала самая обстановка. На другой день по открытіи университета, 18 января, состоялось засѣданіе Совѣта, на которомъ ректоромъ былъ избранъ И. С. Рижскій, и при ежегодныхъ въ то время избраніяхъ ректора, Рижскій занималъ эту почетную и отвѣтственную должность до самой своей смерти, за исключеніемъ только 1807 года, когда избраннымъ оказался профессоръ Стойковичъ. И совѣтъ, и высшая учебная администрація въ лицѣ такого выдающагося попечителя, какъ Северинъ Ос. Потоцкій, высоко цѣнили безкорыстную и плодотворную дѣятельность Рижскаго. Представляя Рижскаго въ 6-й разъ въ ректоры, Потоцкій указывалъ на уваженіе къ нему его товарищей-профессоровъ, большую дѣятельность по управленію и труды въ области науки. Всѣ позднѣйшіе изслѣдователи, писавшіе о Рижскомъ, Н. А. Лавровскій, М. Н. Сухомлиновъ, Д. И. Багалъй, М. Г. Халанскій, единогласно сходились въ высокой оцѣнкѣ Рижскаго, какъ администратора и ученаго. По словамъ Д. И. Багалъя, И. С. Рижскаго можно охарактеризовать тремя словами: это былъ умный, честный и добрый человѣкъ. Умъ его былъ большой и широкій; въ немъ гармонически слилась способность къ теоретическому, спекулятивному мышленію и практическая складка, столь необходимая для его дѣятельности и не переходившая въ крайность. Его безусловная честность была потребностью его природы и не боялась никакихъ искушеній. Доброта у И. С. Рижскаго соединялась съ терпимостью и гуманностью. Онъ радушно встрѣчалъ иностранныхъ профессоровъ и обнаруживалъ деликатное, вѣжливое отношеніе къ студентамъ и подчиненнымъ ему чиновникамъ. О необычайномъ трудолюбіи Рижскаго свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ совсѣмъ почти не пропускалъ засѣданій правленія, а ихъ было въ теченіе 7 лѣтъ 720, т. е. въ среднемъ болѣе сотни въ годъ, и продолжались они около 3 часовъ каждое, что не мѣшало ему быть и аккуратнымъ преподавателемъ и плодовитымъ ученымъ. Сочиненія Рижскаго отличались не только внутренними достоинствами, но и внѣшнимъ объемомъ. Такъ: «Опытъ

риторики» въ 1 изд. былъ въ 396, во 2-мъ въ 405 стр., «Умолловіе» въ 243 стр., «Наука стихотворства» въ 352 стр. Разсматриваемые по отношенію къ началу XIX ст. труды Рижскаго имѣли большую научно-педагогическую цѣнность, что и закрѣпило за ними господство въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на продолжительное время.

По отзыву проф. Халанскаго, напеч. въ 1 т. Опыта ист. Харьков. университета проф. Багалѣя, три книжки проф. Рижскаго—«Введеніе въ курсъ словесности» (X. 1806), Опытъ риторики (2 изд. X. 1805) и «Наука стихотворства» представляютъ полный и самый обстоятельный изъ существующихъ на русскомъ языкѣ курсъ теоріи словесности, относящейся преимущественно къ ложно-классическому періоду развитія литературы.... По полнотѣ свѣдѣній, обстоятельности и ясности изложенія курсъ теоріи словесности Рижскаго былъ для своего времени явленіемъ дѣйствительно выдающимся. Равнаго ему по значенію для своего времени русская литература не имѣетъ доселѣ. Рижскій приготовлялъ къ печати и свой курсъ исторіи русской словесности; но преждевременная смерть не позволила ему довести до конца этотъ трудъ.

По словамъ А. П. Кадлубовскаго, «Наука стихотворства, сочиненная Императорской Россійской Академіи Членомъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Рижскимъ и оною Академіею изданная» (Спб. 1811), представляетъ одинъ изъ первыхъ полныхъ и систематическихъ курсовъ теоріи поэзіи на русскомъ языкѣ; до него можно указать лишь переводныя сочиненія (Буало, Батте), а изъ оригинальныхъ—«Правила піитическія» Аполлоса Байбакова да «Епистолу о стихотворствѣ» Сумарокова; послѣдняя кратка и не даетъ систематической теоріи, а первыя примыкаютъ въ значительной степени къ курсамъ, читавшимся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (обыкновенно на латинскомъ языкѣ); по содержанію и характеру указанные курсы не совпадали съ теоріей, проводившейся въ русской свѣтской литературѣ XVIII в. Трудъ же Рижскаго является первымъ полнымъ сводомъ правилъ этой теоріи, которую принято называть ложно-классическою. Нашъ авторъ строго придерживается ея: на его книгѣ не отразились новыя вѣянія въ области теоріи и критики, а равно и новыя теченія въ самой литературѣ, явившіяся на смѣну ложно-классицизму, какъ у насъ, такъ на Западѣ. Изъ русскихъ писателей онъ ссылается на Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Петрова, Рубана, Хемницера, Дмитріева; только вскользь упомянуть Крыловъ (рядомъ съ Хвостовымъ) въ главѣ о баснѣ. Изъ авторитетовъ въ области теоріи Рижскій ссылается на Аристотеля, Горация, Буало, Батте, Мармонтеля, Жескура, Влера, Роллена, Зульцера, Эшенбурга; впрочемъ, на названныхъ нѣмецкихъ теоретиковъ онъ ссылается лишь вскользь по поводу нѣко-

торыхъ частностей; въ общей же части ученія о поэзіи, развитію которой содѣйствовала нѣмецкая эстетическая теорія второй половины XVIII и начала XIX в.¹⁾, какъ и вообще въ вопросахъ болѣе или менѣе существенныхъ, нашъ авторъ основывается главнымъ образомъ на Батте («Баттіо») и Блерѣ и вообще всецѣло остается вѣренъ ложно-классической теоріи. Мѣстами онъ предлагаетъ свое личное мнѣніе; но и это лишь въ деталяхъ; въ общемъ онъ не можетъ возвыситься надъ заколдованнымъ кругомъ ложно-классическихъ понятій. Въ общей части книги мы находимъ вѣрное воззрѣніемъ Батте разсужденіе объ изображеніи вымышленной поэтомъ изысканнѣйшей природы, о стихотворной формѣ, какъ неперемѣнной принадлежности поэзіи, о нравственной пользѣ и поученіи, которыя мы непріятно почерпаемъ въ поэзіи, подобно лѣкарству, принимаемому съ пріятною пищею». Впрочемъ, общая часть, какъ вообще у ложно-классическихъ теоретиковъ, кратка и меньше занимаетъ автора, чѣмъ частная піитика. Въ этой послѣдней мы находимъ раздѣленіе поэзіи на 4 рода: этическую, лирическую, дидактическую и драматическую; далѣе, въ особый родъ выдѣлена эпическая поэма, въ виду ея важности и сравнительной обширности правилъ о ней. Роды подраздѣляются на виды, названія которыхъ приурочены то къ содержанію, то къ формѣ; такъ, къ эпической поэзіи отнесены: эпиграмма, мадригалъ, сонетъ, тріолетъ, рондо, загадка, басня, эклога, идиллія. Въ отдѣлѣ лирической поэзіи, кромѣ обычныхъ элегій и оды, находимъ свѣдѣнія о «стихотвореніяхъ, опредѣленныхъ для музыкальнаго пѣнія»: кантата, арія и т. п., пѣсня, романсъ, «балладъ» (sic); эти послѣдніе термины не представляютъ однако, какъ можно было бы подумать, какихъ-нибудь «романтическихъ» отголосковъ: романсъ понимается Рижскимъ, какъ «жалостливое повѣствованіе о любовномъ несчастно кончившемся приключеніи», а «балладъ» отличается отъ него лишь своеобразнымъ построеніемъ стихотворенія; баллады же въ смыслѣ выдвинутомъ романтиками Рижскій не знаетъ; не упоминаетъ онъ и о романѣ или о повѣсти. Отдѣльные правила о поэтическихъ видахъ выдерживаютъ ложно-классическій характеръ; различіе между видами проводится столь же строго, какъ и вообще это дѣлала данная теорія; потому, напримѣръ, признавая видами драмы трагедію и комедію, авторъ отвергаетъ «мѣщанскую трагедію», какъ посредственную между ними форму²⁾.

На почвѣ старой теоріи стоитъ и другой трудъ Рижскаго—«Опытъ риторики», повидимому, болѣе популярный: онъ издавался нѣсколько разъ, даже въ 1822 г. (1796, 1805, 1809, 1822). По обычаю, раздѣлявшаяся

¹⁾ См. хотя бы *Шевырево*. Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи (1887), 155 слл.

²⁾ Любезно сообщено А. П. Кадлубовскимъ. *Прим. Н. С.*

на 3 части, Риторика Рижскаго трактовала объ изобрѣтеніи, расположеніи мыслей и о ихъ совершенномъ выраженіи, т. е. объ украшеніяхъ слога. Въ 1-й части находимъ обычное разсужденіе о распространеніи мыслей, о «риторическихъ мѣстахъ», какъ руководство для распространенія, о нравахъ человѣческихъ и страстяхъ, которые долженъ знать «витія», чтобы дѣйствовать на людей; во 2-й части — о періодахъ, хріяхъ, о различныхъ родахъ прозаическихъ сочиненій: о письмахъ, разговорахъ, рѣчахъ, описаніяхъ, историческихъ сочиненіяхъ; 3-я часть трактуетъ главнымъ образомъ о фигурахъ, тропахъ, о требованіяхъ стилистики; 3/4 читательную долю этой послѣдней части занимаетъ послѣдовательно проведенное (по разнымъ предметамъ рѣчи) ученіе о троякомъ стилѣ: высокомъ, среднемъ и низкомъ.

Оба сочиненія давали полную теорію словесности; особенное значеніе должна была имѣть «Наука стихотворства»: риторика Рижскаго въ общемъ была согласна съ изложенной уже на русскомъ языкѣ «Риторикой» Ломоносова, піитика же его восполняла крупный пробѣлъ въ русской теоретической литературѣ, не имѣвшей еще такого полного и систематическаго изложенія піитики съ извѣстной, именно ложно-классической, точки зрѣнія; оттого, хотя воззрѣнія Рижскаго и являлись устарѣвшими, труды его въ свое время пользовались довольно почетной извѣстностью¹⁾.

О Рижскомъ, какъ преподавателѣ, сохранились интересныя воспоминанія. Селивановъ говоритъ: «И. С. Рижскій принадлежалъ къ славянофиламъ (т. е. любителямъ славянскаго слова), не любилъ, когда употреблено было иностранное слово тамъ, гдѣ ту же самую мысль можно было выразить словами русскими, и часто на лекціи говорилъ: «можно ли то выразить на французскомъ щебетникѣ, что выражается сильнымъ, точнымъ, мѣткимъ, благозвучнымъ славянскимъ языкомъ?». Онъ превосходно дѣлалъ разборы нѣкоторыхъ псалмовъ, напр. 17-го, Іова, особенно послѣднихъ главъ (38, 40, 41), также нѣкоторыхъ ирмосовъ Іоанна Дамаскина». Выслушивая сочиненія студентовъ, Рижскій указывалъ на недостатки и ошибки и совѣтовалъ, чѣмъ замѣнить ихъ». По словамъ Розальонъ-Сональскаго, Рижскій пользовался глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ профессоръ и человѣкъ; преподавалъ онъ превосходно.

Преждевременная кончина Рижскаго²⁾, 14 марта 1811 г. на 53 г. жизни, какъ значится на его надгробномъ памятникѣ, вызвала въ обществѣ и въ университетѣ глубокую горестъ. Расходы по похоронамъ принялъ

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, I, 72—83.

Д. И. Багалъй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, I, 640, 642, 644.

²⁾ По показанію Рославскаго-Петровскаго.

университетъ. Было произнесено много рѣчей. Была издана брошюра, куда вошла его біографія, описаніе похоронъ и поминальныя рѣчи. Извлеченіе изъ рѣчей, какъ и общая оцѣнка ихъ, равно какъ и общая высокая оцѣнка Рижскаго, даны въ «Опытѣ» проф. Багалѣя (952—962).

По свидѣтельству Т. И. Селиванова, «И. С. Рижскій былъ росту средняго, сутуловатъ, довольно полонъ, но не толстъ, сановитъ или осанистъ, держалъ себя съ достоинствомъ, но безъ гордости и надменности. Сохраняя обычай екатерининскаго и павловскаго времени, всегда былъ напудренъ. Онъ со всѣми обращался вѣжливо, не разсыпая комплиментовъ; не былъ педантъ и не любилъ вычурности».

Это изображеніе наружности Рижскаго находитъ себѣ подтвержденіе въ превосходномъ портретѣ его, сохранившемся въ университетѣ и хорошо воспроизведенномъ въ 1 т. «Опыта» проф. Багалѣя (на 203 стр.) по фототипіи Кульженка.

Сочиненія И. С. Рижскаго: 1) Сокращеніе богослуженія древнихъ римлянъ, съ краткимъ вступленіемъ, содержащимъ нѣкоторыя древности, касающіяся до города Рима. Собралъ изъ разныхъ писателей Троицкой семинаріи учитель риторики и поэзіи Иванъ Рижскій. Издѣніемъ Н. Новикова и компаніи. М., въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1784 г., 352 стр. 2) Политическое состояніе древняго Рима или основаніе правленія, бывшаго въ древнемъ Римѣ во время царей, республики и императоровъ. Собралъ изъ разныхъ писателей Ив. Рижскій. М., въ типографіи комп. типографической, 1788, 274 стр. 3) Умолвленіе или умственная философія, СПб., 1790, 243 стр., 2 изд. СПб. 1792. 4) Краткое физическое и топографическое описаніе Таврической области. Палласа, пер. съ франц. СПб. 1795. 5) Опытъ риторики, сочиненной и преподаваемой въ С.-Петербургскомъ горномъ училищѣ. СПб. При корпусѣ чужестранныхъ единовѣрцевъ. 1796, 396 + XVI. 2 изд. Харьковъ, 1805, 405 стр., 3 изданіе Москва. 1809, 381, и 4 изд. Харьковъ 1822, 414 стр. 6) О пользѣ наукъ и художествъ (вопреки Ж. Ж. Руссо), рѣчь Бурдо, съ франц. СПб. 1791. 7) Наука стихотворства, сочиненная Россійской Академіей членомъ, кол. совѣтн. и кавалеромъ Ив. Рижскимъ и оною Академіей изданная. СПб., 1811, 352 стр. 8) О занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 годахъ. Рѣчь, произнесенная при сложеніи званія ректора. Напечатана также въ собран. рѣч., говор. въ Имп. Харьков. унив. Харьковъ. 1807. Напечатана въ період. сочин. объ успѣхахъ, Минист. Просвѣщ. 1807. XVII. 9) Введеніе въ кругъ словесности, сочиненное въ Харьковскомъ Университетѣ и служившее руководствомъ бывшихъ въ 1805 году публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія. Х. 1806. 10) О изящныхъ наукахъ. Рѣчь Х. 1806 г. Напечат. въ періодич. сочинен. о успѣхахъ Министер. Просвѣщ. 1806, XVI. 11) О познаніи, свойственномъ воображенію. Рѣчь Х. 1806 г. Напечатана въ періодич. сочин. 1806 года, XV. 12) О состояніи славянскаго языка въ древнія времена. Рѣчь, произнесенная 30 іюня 1808 г. Напеч. въ періодическ. сочиненіяхъ 1809, XXII.

Н. О. Сумцовъ.

Срезневскій Иванъ Евсеѣвичъ родился въ с. Срезневкѣ, Сольскаго уѣзда, Рязанской губ., 20 февраля 1770 г. въ семьѣ священника, бѣдной и многочисленной. 12 лѣтъ онъ ушелъ въ Рязань въ духовную семинарію; въ 1792 г. поступилъ въ университетскую гимназію въ Москвѣ, въ томъ же 1792 г. въ Московскій университетъ, въ которомъ усиленно занимался древними языками, перевелъ *Tristia* Овидія, подъ названіемъ Плача. Этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1795 г. съ посвященіемъ куратору Московскаго университета Хераскову. Въ Херасковѣ Срезневскій нашелъ Мецената. Переводъ снабженъ оригинальнымъ стихотворнымъ введеніемъ и свѣдѣніями по классическимъ древностямъ. Почти одновременно (1794) Срезневскій издалъ «Оду пчелиной маткѣ» — стихотворный панегирикъ Императрицѣ Екатеринѣ II съ осужденіемъ французской революціи. По окончаніи курса въ университетѣ Срезневскій поступилъ домашнимъ секретаремъ къ одному сенатору, какъ полагають Г. П. Гагарину, въ его имѣніи Богословскомъ. Здѣсь онъ написалъ рядъ стихотвореній въ честь нѣкоей Миланы или Пльниры, вѣроятно, одной изъ дочерей Гагарина. Черезъ годъ, въ 1797 г., былъ принятъ бакалавромъ въ учительскій институтъ при Московскомъ университетѣ, а въ 1798 — учителемъ университетской гимназіи, гдѣ пробылъ до 1804 г., когда онъ получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ и приглашенъ въ Демидовское училище на кафедру «словесности древнихъ языковъ и русскаго краснорѣчія». Профессоромъ Демидовскаго училища И. Е. Срезневскій оставался до 1812 г., когда, по избранію совѣта Харьковскаго университета, онъ занялъ оставшуюся по смерти И. С. Рижскаго вакантную кафедру русскаго языка и литературы. Изъ «Обозрѣній лекцій, читанныхъ въ Харьковскомъ университетѣ», видно, что Срезневскій преподавалъ «русскую словесность, эстетику (теоретическую и практическую)»; въ послѣднемъ 1819—1820 году († 1821 году) прибавился новый предметъ «преподаваніе славянскаго языка». Въ программу чтенія входило разсмотрѣніе студенческихъ сочиненій. Срезневскій разсматривалъ русскую словесность по образцамъ греческой и римской литературы. По словамъ Изм. И. Срезневскаго, отецъ его «понималъ необходимость русской оригинальности и возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ сочувствіе къ ней оцѣнкой Державина, Карамзина, Крылова и, между прочимъ, тогда еще молодого писателя Жуковскаго». Помимо лекцій, Срезневскій былъ еще членомъ училищнаго комитета (1813—1819), комитета испытательнаго (1815—1819), визитаторомъ училищъ Курской и Воронежской губ., одно время (1815—1817) инспекторомъ студентовъ. Въ университетѣ Срезневскій стоялъ на сторонѣ русской партіи. Отношенія къ студентамъ были хорошія. Учено-литературная дѣятельность Срезневскаго за 3 года его харьковской жизни,

кромѣ лекцій, выразилась въ участіи въ торжественныхъ засѣданіяхъ университета, гдѣ онъ выступалъ ораторомъ и стихотворцемъ, въ участіи въ Обществѣ наукъ при Харьковскомъ университетѣ и въ сотрудничествѣ въ мѣстной печати.

Участіе въ торжественныхъ собраніяхъ университета выразилось, во 1), въ рѣчи: «О происхожденіи и причинахъ различія дарованія въ людяхъ» (1812 г.) и, во 2), въ «Словѣ о благодѣяніяхъ Промысла Божія въ царствованіе благословеннаго племени Романова, на Россію ниспосланныхъ» (1814 г.). Въ томъ же засѣданіи (25 дек. 1814 г.) была исполнена ораторія Срезневскаго по случаю избавленія отъ сильнаго врага, положенная на музыку магистромъ Шуманомъ.

Литературная дѣятельность Срезневскаго въ Обществѣ наукъ выразилась въ переложеніи нѣкоторыхъ псалмовъ, переводомъ двухъ одъ Горация и др. стихотвореніями. Въ 1815 г. Срезневскій читалъ поэму «Иванъ Сусанинъ». Что литературная извѣстность Срезневскаго была довольно значительна, видно изъ того, что онъ состоялъ членомъ еще двухъ литературныхъ обществъ—ярославскаго и казанскаго.

Гораздо болѣе значительна была литературная дѣятельность Срезневскаго въ видѣ сотрудничества въ Харьковскихъ повременныхъ изданіяхъ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и «Харьковскомъ Демокритѣ». Біографъ И. Е. Срезневскаго, внукъ его В. И. Срезневскій, говоритъ: «Украинскій Вѣстникъ» былъ однимъ изъ лучшихъ представителей русской періодической печати. Имъ руководили Гонорскій, Филомафитскій и Квитка; первые двое были люди, близкіе къ И. Е. Срезневскому—оба его ученики по Харьковскому университету. Филомафитскій былъ даже, кажется, воспитанъ И. Е. Срезневымъ съ дѣтства и находился студентомъ Ярославскаго училища, когда И. Е. Срезневскій былъ тамъ профессоромъ. По свидѣтельству сына И. Е., академика И. И. Срезневскаго, самая инициатива изданія Украинскаго Вѣстника принадлежала Ивану Евсѣевичу; онъ руководилъ трудами редакторовъ, дѣлилъ съ ними заботы редакціи и сообщалъ съ нуждами изданія располагалъ литературные труды студентовъ. Въ Украинскомъ Вѣстникѣ помѣщено немало стихотвореній Срезневскаго: оды, переложенія псалмовъ, переводы съ латинскаго и греческаго, его рѣчь о любви къ отечеству, единственная его научная статья о міѳологіи. Въ Харьковскомъ Демокритѣ Срезневскій, за подписью Срз., помѣщалъ мелкія стихотворенія—сатиры, пѣсни. Въ 1813—1814 акад. году Срезневскій получилъ почетное званіе доктора свободныхъ (иначе изящныхъ) наукъ. Въ 1819 г. (12 сент.) И. Е. Срезневскій скончался и похороненъ былъ на Каплуновскомъ кладбищѣ, вкорѣ упраздненномъ. Могила его не сохранилась.

По общему характеру своей дѣятельности Срезневскій былъ литераторъ. Лучшее его произведеніе, которое онъ самъ цѣнилъ выше другихъ, — рѣчь «О любви къ отечеству». Сначала ораторъ отмѣчаетъ различныя понятія объ отечествѣ, какъ мѣстѣ, гдѣ жить хорошо (*ibi patria. ubi bene*), какъ цѣломъ свѣтѣ (по опредѣленію «сѹемудраго космополита»), какъ мѣстѣ рожденія (миѣніе простолюдина); затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько распространенное и не особенно ясное опредѣленіе самого оратора: «отечество даетъ намъ жизнь и хранитъ ее, оно изрекаетъ законы и т. д.». Любовью къ отечеству названы любовь къ порядку, къ законамъ, къ добродѣтели, къ общему и собственному благу. Авторъ требуетъ не только любви къ отечеству, но страсти, которая не смущается даже недостатками и злоупотребленіями и, «вздыхая втайнѣ» о недостаткахъ отечества, продолжаетъ любить его. Вообще, рѣчь о любви къ отечеству даетъ хорошую характеристику самого автора, указывая на его доброжелательство и стремленіе къ общему благу.

Изъ неизданныхъ произведеній Срезневскаго по мыслямъ выдается статья: «*De praecipuis characteribus et officiis optimi praeceptoris*» и разсужденіе «О преимуществахъ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ». Въ этихъ статьяхъ ясно обнаруживаются педагогическіе взгляды Срезневскаго на обязанности учителя (долженъ быть даровитымъ, нравственнымъ, любить свое дѣло, хорошо знать предметъ, умѣло выбирать способъ преподавать и т. д.). Срезневскій высказывался въ пользу общественнаго воспитанія въ интересахъ развитія «духа общественности». Необходимость развитія народнаго просвѣщенія была одной изъ любимыхъ идей И. Е. Срезневскаго.

Самостоятельное мѣсто въ ряду разсужденій И. Е. Срезневскаго занимаетъ его неоконченная статья: «Славянская міѳологія или о богослуженіи русскихъ въ язычествѣ», въ которой кратко описаны божества славянъ сравнительно съ греко-римскими. Статья эта интересна, какъ намекъ на ученые интересы И. Е. Срезневскаго, тѣ интересы, съ которыхъ позднѣе началъ его знаменитый сынъ, Измаилъ Ивановичъ, написавшій въ молодости обширныя изслѣдованія по міѳологіи.

Поэтическая дѣятельность Срезневскаго шла по двумъ направленіямъ, представляя собой работы переводныя и оригинальныя. Любимыми авторами Срезневскаго были Гораций и Овидій. Переводъ *Tristia* Овидія (Плачь) былъ единственнымъ полнымъ переводомъ на русскій языкъ до появленія перевода Фета въ 1893 г. Срезневскому принадлежитъ еще много переложеній псалмовъ, отрывокъ изъ *L'Art poétique* Буало и нѣсколько другихъ произведеній.

Оригинальныя стихотворенія Срезневскаго весьма разнообразны по стилю и содержанію. Есть тяжелыя и высокопарныя стихотворенія — оды,

ораторіи, гимны, и произведенія сравнительно легкія въ псевдо-народномъ стилѣ. Образцы тѣхъ и другихъ приведены въ біографіи П. Е. Срезневскаго въ Журн. М. Н. Пр. 1898 г.

В. И. Срезневскій въ біографіи своего дѣда приводитъ названія 46 неизданныхъ стихотвореній Срезневскаго и 8 изъ нихъ въ цѣлости; затѣмъ имъ же составленъ подробный списокъ напечатанныхъ произведеній П. Е. Срезневскаго, съ подробнымъ и точнымъ ихъ заглавіемъ. Весьма обстоятельная ст. В. И. Срезневскаго, вмѣстѣ съ многочисленными замѣтками объ П. Е. Срезневскомъ въ Опытѣ Ист. Харьк. Универ. проф. Багалѣя, составляетъ главнѣйшій и основной источникъ для біографіи П. Е. Срезневскаго.

Списокъ напечатанныхъ сочиненій П. Е. Срезневскаго: 1) Ода пчелиной маткѣ отъ вѣрной подданной ея молодой пчелы, С.... М. 1794, 24 стр. 2) Плачъ П. Овидія Назона. М. 1895, 320 стр. (тутъ же и „Отроческое наставленіе“ Мурета). 3) Рѣчь о любви къ отечеству, напеч. въ „Рѣчахъ“ унив. благор. панс. М. 1799 г. 4) Жизнь Екатерины Великой. 1801 (4—271). М. 5) Протекшій вѣкъ, пер. съ нѣмецкаго, М. I 1801, II 1802, III 1802 и IV 1803. 6) Торжественное слово о странствованіи музъ, 1807. 7) Гимнъ благотворенію. М. 1810. 8) Ода в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ по случаю посѣщенія Ярослава. М. 1810. 9) О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ. Рѣчь. Харьковъ. 1812. 10) Побѣдная пѣснь Россовъ. Х. 1812. 11) Ораторія на торжество избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага, Х. 1814. 12) Слово о благодѣяніяхъ Промысла Божія. Х. 1815. 13) Переводъ трехъ одъ Горация въ Труд. Казан. Общ. люб. слов. 1815 г. 14) Къ Меценату Горация. Въ Украин. Вѣстн. 1816 I. 15) Псаломъ 20 (Господи, силою Твоею), тамъ же. 16) Испорченный Соловей, въ Харьк. Демокритъ 1816 I. 17) На худыхъ стихотворцевъ, тамъ же. 18) Каррикатуры. Рыцарь. Тамъ же. 19) Псаломъ 43 (Боже, ушима нашими) въ Украин. Вѣстн. 1816 II. 20) Неудовольствіе Минервы на Бахуса и Венеру, въ Харьк. Демокр. 1816 II. 21) На стрижку дамъ, тамъ же. 22) На гробъ К., тамъ же. 23) Пѣсня. Первые чувства любви, въ Харьк. Демокр. 1816 II. 24) Рѣчь о любви къ отечеству, сказ. въ 1806, напеч. въ Украин. Вѣст. 1816 III. 25) Въ честь побѣдоноснаго русскаго воинства, тамъ же, IV. 26) Ода на пріѣздъ въ Харьковъ императора Николая Павловича, въ Украин. Вѣст. 1816 VI (и отдѣльно). 27) Псаломъ 3 (Господи, что ся умножиша), тамъ же. 28) Къ Лицинію Горация, тамъ же VIII. 29) Эротъ и пчелы (изъ Теокрита), тамъ же, VIII. 30) Стихотворческая забава. Х. 1816. 31) Псаломъ 45 (Богъ намъ прибѣжище), въ Украин. Вѣст. 1817 III. 32) Псаломъ 58 (Изми мя), тамъ же. 33) Славянская міеологія, тамъ же, IV. 34) Бабочка, тамъ же, XI. 35) Изъ Горация, тамъ же, 1818 III. 36) Псаломъ 145 (Хвали, душе моя), тамъ же, 1819 VI. 37) Изъ Горация, тамъ же, повторительная въ № 13.

Н. О. Сумцовъ.

Борзенковъ Дмитрій Семеновичъ, изъ духовнаго званія, родился въ г. Ахтыркѣ въ 1777 г. Съ 1789 по 1804 г. учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, откуда поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковского универ-

ситета. Въ 1808 г. получилъ степень кандидата и опредѣленъ учителемъ философіи, русской словесности и политической экономіи въ Воронежскую гимназію. Въ 1811 г. былъ переведенъ лекторомъ русской словесности въ Харьковскій университетъ, а также преподавалъ російскій слогъ и политическую экономію чиновникамъ, обязаннымъ гражданскою службою. Въ 1812 г. послѣ испытанія и защиты тезисовъ получилъ степень магистра словесныхъ наукъ; избранъ былъ въ помощники бібліотекаря (съ 1813 по 1826 г.). Въ 1814 г. избранъ «въ ассессоры» Харьк. Общества Наукъ. Въ 1815 г. утвержденъ въ званіи адъюнкта російской словесности, съ 1819 г. экстраординарнаго и 1826 г. — ординарнаго профессора. Въ 1826 по 1828 г. былъ бібліотекаремъ. Съ 1826 по 1828 г. деканомъ филологическаго факультета. Перевелъ 1) съ латинскаго диссертацию проф. Шада о существенномъ достоинствѣ философіи; 2) сочиненіе проф. Роммеля объ улучшеніи способа ученія въ гимназіяхъ; 3) два письма Саллюстія къ Цезарю объ управленіи республикою; всѣ эти три перевода были напечатаны. Проф. Борзенковъ принималъ участіе въ «Обществѣ Наукъ». Въ 1 (и единств.) томѣ его трудовъ находится ст. Борзенкова: «О происхожденіи языковъ сарматскаго и славянскаго и о сходствѣ ихъ и съ санскритскимъ». Тутъ же нашелъ мѣсто и переводъ писемъ Саллюстія. На актѣ 1818 г. (30 августа) Борзенковъ произнесъ рѣчь: «О успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи подъ покровительствомъ Великаго Государя Императора Александра I». Въ рѣчи сдѣланъ подсчетъ вышнихъ учебныхъ учреждений, возникшихъ при Императорѣ Александрѣ I, и вся рѣчь имѣетъ характеръ хорошо обоснованнаго похвальнаго слова. Борзенковъ принималъ участіе въ мѣстной печати: въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» онъ напечаталъ некрологъ Гонорскаго († 1819 г.). Въ 1822 г. Борзенковъ напечаталъ біографію Нахимова при изданіи его сочиненій (М. 1822, стр. 7—20). Въ университетѣ проф. Борзенковъ читалъ введеніе въ кругъ словесности, риторику и піитику по Рижскому съ упражненіями въ слогъ, потомъ эстетику и критику по Мейнерсу, исторію русской словесности по руководству Греча. О характерѣ преподаванія сохранились неблагоприятныя отзывы въ смыслѣ большого слѣдованія печатнымъ руководствамъ и привнесенія въ лекціи постороннихъ разсказовъ и анекдотовъ (Зап. Им. Харьк. Унив. 1902. I, 40). Проф. Борзенковъ былъ человекомъ свѣтскій, общительный и веселый. «Вездѣ онъ былъ пріятнымъ гостемъ и всегда умѣлъ занять общество своими каламбурами и разсказами». Товарищи его любили. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ былъ избранъ въ деканы словеснаго факультета.

Н. О. Сумцовъ.

Склабовскій Александръ Васильевичъ, родился въ 1793 году, происходилъ изъ духовнаго званія, учился сначала въ Воронежской семинаріи, съ 1817—1819 г. въ Харьковскомъ университетѣ, былъ членомъ Общества Наукъ при Харьковскомъ университетѣ и Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ С.-Петербургскаго университета. Сначала Склабовскому трудно было пройти. Въ 1820 году словесный факультетъ хлопоталъ объ утвержденіи Склабовскаго помощникомъ проф. Борзенкова, но такъ какъ Склабовскій не имѣлъ ученой степени, то министерство отказало. Въ 1823 г. Склабовскій получилъ степень магистра, послѣ экзамена и представленія въ совѣтъ разсужденія на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «*Excerpta quaedam ex dissertatione ipsius de disciplinis, quae totius ambitum constituere debent earumque ordine*». Большинствомъ 8 противъ одного голоса Склабовскій былъ избранъ магистромъ. Министерство сначала отказало въ утвержденіи его въ званіи адъюнкта, по заполненности штатовъ, но послѣ разъясненія совѣта о свободной вакансіи и ссылки на дарованія Склабовскаго онъ былъ утвержденъ и затѣмъ сталъ быстро подниматься въ служебномъ отношеніи, какъ человѣкъ способный и честолюбивый. Особенно ревностныхъ покровителей онъ нашелъ въ лицѣ и. об. попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Михаила Вьельгорскаго и попечителя Перовскаго. Склабовскій состоялъ съ 1820 по 1825 годъ адъюнктомъ по кафедрѣ исторіи русской литературы и въ это время выдвинулся, какъ журналистъ, поэтъ и университетскій преподаватель. Въ 1825 году Склабовскій промѣнялъ лавры профессора, ученаго и поэта на болѣе выгодную должность «старшаго писмоводителя» канцеляріи попечителя учебнаго округа, а черезъ пять лѣтъ, осыпанный разными наградами и милостями начальства (всегда, впрочемъ съ оговоркой «не въ примѣръ прочимъ»), Склабовскій перешелъ въ департаментъ удѣловъ. Онъ скончался черезъ годъ, въ 1831 году, въ молодыхъ еще лѣтахъ, на 38-мъ году жизни.

Чиновникъ подавилъ въ Склабовскомъ ученаго и поэта. Архивныя данныя говорятъ, что Склабовскій дѣйствительно былъ отличнымъ чиновникомъ по исполнительности, усердію, энергіи и освѣдомленности; но столь же несомнѣнны историческія свидѣтельства о Склабовскомъ, какъ объ ученомъ, выдававшемся въ свое время по начитанности, трудоспособности, литературной продуктивности, какъ о хорошемъ стилистѣ и незаурядномъ поэтѣ.

Еще на студенческой скамьѣ Склабовскій обнаружилъ черты литератора и дѣльца. Онъ составилъ среди студенчества литературный кружокъ и направилъ его дѣятельность въ сторону, наиболѣе угодную для тогдашняго мистическаго университетскаго начальства—попечителя Карнѣева. Это было такъ называемое студенческое библейское сотоварищество.

Искусно воскуря оиміамъ попечителю Е. В. Карпѣву и супругѣ его, Склабовскій, однако, сумѣлъ сохранить оригинальность приѣмовъ. Даже въ стихотвореніяхъ, очевидно, сервиллистическаго свойства природное дарованіе выручаетъ и выдвигаетъ его настолько, что заставляетъ забывать о подозрительной или прямо неблаговидной ихъ подкладкѣ.

Нужно, однако, сказать, что господствовавшая во время Склабовскаго мистика вредно отразилась на его литературной дѣятельности. Достаточно бѣглаго взгляда на стихотворенія Склабовскаго, чтобы видѣть, какъ онъ иногда насилуесть свой талантъ и укладывался въ тѣсное прокрустово ложе современныхъ господствующихъ теченій. Въ то время какъ 22 лѣтняго поэта тянуло къ «ней», когда ему лучше всего удавались стихотворенія о «дѣвахъ-звѣздочкахъ», онъ писалъ тяжелыя вирши «Безсмертіе души» и т. п. въ искусственномъ, высокопарномъ тонѣ.

По окончаніи курса въ университетѣ, Склабовскій въ 1819 году издалъ въ Харьковѣ «Опыты въ стихахъ» — книжечку въ 179 страницъ съ 30 стихотвореніями, изъ которыхъ 15 переводы и подражанія, преимущественно польскимъ поэтамъ.

Авторъ находился въ это время подъ вліяніемъ Жуковскаго и почти всецѣло поглощенъ имъ. Эпиграфъ взятъ изъ Жуковскаго:

Пою для музъ, для наслажденія,
Для сердца вѣрнаго друзей....

Въ одномъ мѣстѣ Склабовскій говоритъ:

Жуковскій нѣжный, несравненный,
Его мы музой вдохновенны....

Подъ прямымъ вліяніемъ Жуковскаго у молодого поэта слишкомъ часто является луна, кладбище, очарованное «тамъ», т. е. загробный міръ, вѣчность и разные романтическіе ахи и охи. Въ стихахъ нѣтъ фактическаго содержанія, ничего такого, что говорило бы о мѣстности, гдѣ они сочинялись, или о личности автора. Склабовскій, судя по его студенческимъ произведеніямъ, преисполненъ былъ благодарности. Онъ благодаритъ «наставниковъ», славословитъ дружбу, какъ генія-утѣшителя, но все это представляетъ простые перепѣвы Жуковскаго.

Какъ ни слабы эти юношескіе опыты Склабовскаго, они были замѣнены и вызвали въ «Сынѣ Отечества» 1819 и 1820 годовъ похвальные отзывы со стороны тогдашнихъ присяжныхъ литераторовъ — Греча и Воейкова.

Уже на студенческой скамьѣ Склабовскій овладѣлъ стихомъ; онъ смѣло брался за весьма трудныя темы и справлялся иногда съ ними съ несомнѣннымъ литературнымъ успѣхомъ. Онъ неоднократно принимался, по настроенію эпохи и въ угоду учебному начальству, за религіозныя

темы и по временамъ поднимался въ этой трудной области на значительную высоту. Такъ, стихотвореніе «Пѣвецъ Творца», посвященное «почтенному наставнику и благодѣтелю Г. П. Успенскому», заключаетъ въ себѣ немало стройныхъ и выразительныхъ строкъ:

Есть Богъ—въ томъ сердце увѣряетъ
Меня бѣніемъ своимъ.
Есть Богъ—природы гласъ вѣщаетъ:
Въ ней все живетъ, все дышитъ Имъ...

.....
Кто жъ Богъ сей? Ты, непостижимый,
Ты, воли дѣйствіемъ Своей
Все сотворившій—Духъ,—незримый
Для бранныхъ смертнаго очей,
Умомъ кичливыхъ необъятный,
Но сердцу чистому понятный!

.....
Всесильный! не отринь моленій:
Храни меня отъ преткновснѣй
На скользкомъ жизни сей пути!
Будь въ лютой скорби утѣшитель,
Будь къ истинѣ путеводитель
И мракъ душевный освѣти!

Тутъ есть и смѣлость обращенія, и сила выраженія, значительно превосходящая литературныя нормы того времени.

Склабовскому лучше удавались картины природы и въ особенности романсы. Такъ, стихотвореніе «Цвѣтокъ» 1818 года—достойный предшественникъ пушкинскаго «Цвѣтка» 1828 года.

Цвѣтокъ предестный, голубой,
Развившійся уединенно
Подъ сѣнью тополя густой
Въ долину тихой, отдаленной:

.....
Любимецъ розы—вѣтерокъ
Тебя украдкою ласкаетъ;
Эфирный житель мотылекъ,
Рѣзвись, вокругъ тебя порхаетъ.

.....
Цвѣти же, дорогой цвѣтокъ,
И взоръ мой улаждай собою,
Пока тебя завистный рокъ
Не тронуть хищною рукою...

«Пѣсня» положительно музыкальна и, такъ сказать, напрашивается на гармонизацію, какъ романсъ:

.....
Могу ли я забыть, когда, томимъ тоскою,
Какъ блага отъ небесъ, я ждалъ небытія,

Ты свѣтлымъ гениемъ явилась предо мною—
И жизнь я полюбилъ—могу ль забыть тебя?...
Могу ли я забыть—когда ты взоръ прелестный
Съ стыдливой робостью склонила на меня
И трепеть сладостный, и пламень, мнѣ безвѣстный,
Въ грудь томную влила—могу-ль забыть тебя?...

Могу-ль?...—О, милый другъ, душа тоя томилась
Въ разлукѣ горестной, злой рокъ тѣснилъ меня;
Но сердце, гдѣ любовь моя къ тебѣ таилась,
Все то жъ—въ немъ та же страсть—я не забылъ тебя!
Но будешь время, другъ, и сердце въ прахъ истлѣетъ;
Но чувство сладкое, которое твоя
Возгла во мнѣ любовь, и тамъ не охладѣетъ—
И тамъ я не могу забыть, мой другъ, тебя!...

Почти столѣтіе протекло, какъ была написана эта пѣсня-романсъ,
а огонь любящаго сердца въ ней не потухъ: отъ нея струится еще
теплота.

Въ торжественномъ собраніи университета 30-го августа 1824 года
Склабовскій прочиталъ стихотвореніе «Золотой вѣкъ» и затѣмъ издалъ
его въ «Украинскомъ Журналѣ». Стихотвореніе бойкое, игривое. описы-
вая золотой вѣкъ, по представленію поэтовъ, въ смыслѣ счастья и без-
заботности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ мимоходомъ бросивши сомнѣніе въ дѣй-
ствительности существованія когда-либо золотого вѣка, упомянувъ о томъ,
что «первый пастырь уже обагрилъ землю кровью (Каинъ), Склабовскій
заканчиваетъ свою умно написанную поэмку такими словами:

Что же вѣкъ златой?—Мечтанье,
Обольстительная баснь!
Люди первыхъ лѣтъ созданья
Первые пріяли казнь.
Чѣй завидовать намъ долѣ?...
Человѣкъ всегда любилъ
Лишь земное—меньше-ль, болѣ—
И всегда несчастливъ былъ.

Интересно и предисловіе къ этому стихотворенію, повидимому, за-
ключающее въ себѣ указаніе, что Склабовскій писалъ быстро, легко и
свободно, и что «Золотой вѣкъ» былъ написанъ, такъ сказать, по заказу
учебнаго начальства:

Для васъ, которые за день предъ симъ хотѣли,
Чтобъ нынѣ я хоть *что-нибудь* сказать, —
Для васъ, какъ могъ, стихи я написалъ.
Они, признаться, не созрѣли;
А сорванный не въ пору плодъ—
Какъ ни поспѣшно онъ растеть—
И нездоровъ, и непріятенъ!

Нѣтъ сладости въ стихахъ моихъ;
Но чувство, мысли скрыты въ нихъ:
Довольно, если я не буду непонятенъ....

И авторъ правъ: въ его стихахъ скрыты и чувство, и мысли.

Склабовскому принадлежитъ нѣсколько весьма пространныхъ стихотворныхъ произведеній, прочитанныхъ на торжественныхъ университетскихъ актахъ—«Царскій пиръ», «Помпея» (поэма на тему разрушенія города), «Злорѣчіе». Нѣкоторый интересъ представляетъ послѣднее произведение. Склабовскій былъ, повидимому, очень самолюбивъ; у него было не мало враговъ, и онъ неоднократно въ прозѣ и въ стихахъ жалуется на своихъ недоброжелателей, не упуская нигдѣ случая польстить своему университетскому начальству. Такъ, стихотвореніе «О злорѣчій» Склабовскій преподнесъ попечителю Е. В. Карнѣеву, при отдѣльномъ стихотвореніи, и оба ихъ напечатавъ, оправдываясь лишь чувствами глубокаго уваженія и благодарности. Стихотвореніе «О злорѣчій» занимаетъ 17 страницъ; въ немъ около 600 стиховъ. Тутъ авторъ говоритъ, что въ злорѣчій вмѣщаются всѣ пороки—гордость, лицемеріе, вѣтренность, ненависть, зависть; что оно «заразительно, какъ черный моръ»; что оно «блескомъ плѣняетъ непостоянный модный свѣтъ»; тамъ, гдѣ злорѣчіе «послабленіемъ властей водворено», оно поселяетъ «погибельны раздоры», ненависть, мщеніе, отъ него страдаетъ и «нѣжный полъ прекрасный» и «всѣ чувства уваженія къ начальникамъ». Поэтъ возмущается, что находятся нахалы, которые «подъ рукой бранятъ и осуждаютъ» благодѣтельнаго «вельможу» т. е. попечителя, который ихъ «вниманіемъ своимъ отличилъ и ласками осыпалъ». Злорѣчіе сначала течетъ, какъ чуть замѣтный ручеекъ, но, сливаясь съ другими ручьями, превращается въ потокъ, наводняющій дома, собранья и балы. Наиболѣе интересны первыя начальныя и послѣднія заключительныя строки. Начинается сатира такъ:

Вотъ день торжественный, въ который ужъ не разъ
На робкій лирный звонъ, пѣвца на слабый гласъ
Свой слухъ почтенное Собраніе склоняло!
Я слышалъ лестный судъ однихъ,
Холодность замѣчалъ другихъ;
Но пламя тихое въ груди не угасало,
Я завсегда равно поэзію любилъ,
Хотя и не всегда равно ей вѣренъ былъ....

Въ заключеніе Склабовскій говоритъ:

Къ несчастію, я очень знаю,
Какъ трудно людямъ угодить.
Но я надѣяться съ увѣренностью смѣю
Что мой Начальникъ—Меценать,
И многіе отъ васъ, для коихъ честь имѣю

Теперь стихи сіи читать,
Меня въ намѣреніи дурномъ не обвинять,
Имъ полное мое благодаренье,
А обвинителямъ—сердечное прощенье.

Лестъ и сервиллизмъ были въ духѣ эпохи, и лишь освободительное движеніе 60-хъ годовъ нанесло этимъ порокамъ глубокой ударъ и повело къ ихъ осужденію. Такимъ путемъ люди прокладывали себѣ не только служебную карьеру, но и общественную извѣстность, а маленькій талантливый адъютантъ Склабовскій проложилъ себѣ дорогу въ «старшіе писемоводители» и къ цѣлому ряду въ свое время выдававшихся чиновныхъ повышеній и награжденій.

Бойко написано стихотвореніе «Не можетъ быть», безъ подписи, вѣроятно, по отношенію къ лицу. Въ 8-ми куплетахъ авторъ, какимъ, судя по стилю и приемамъ, былъ Склабовскій, бросаетъ сатиру по адресу какого-то современнаго ему харьковского профессора:

Могу-ль проникнуть ваши я
Поступки, рѣчи, взглядъ?..
Почтенья требуете вы?
Всѣхъ добрыхъ чтить я радъ.
Но унижаться, ползать, лстить,
Нѣтъ, этого не можетъ быть!

* *

Хотите, чтобъ я васъ любилъ?
Любовь есть сердца дань!
Никто не можетъ приказать:
Люби, иль перестань!
Въ васъ ядъ кипить—и васъ любить?
Нѣтъ, этого не можетъ быть!

* *

Согласенъ я, что въ васъ есть умъ:
Вы много учены,
Но утверждать, что вамъ однимъ
Таланты всѣ даны,
Что въ васъ лишь даръ умно судить, —
Нѣтъ, этого не можетъ быть!

* *

Умъ безъ сердечной доброты—
Свѣтъ въ деревѣ гниломъ.
Безуменъ, кто-бъ сталъ теплоты
Искать, какъ въ солнцѣ, въ немъ.
Меня-ль хотите имъ плѣнить?
Нѣтъ, этого не можетъ быть!

. . . . .

Бранитесь, мстите мнѣ!.. Обѣ васъ
Жалѣю—и смѣюсь.

Иду своимъ путемъ; съ него

На шагъ не устраниюсь.

И вамъ меня остановить?

Нѣтъ, этого не можетъ быть....

Литературный талантъ Склабовскаго росъ. Его стихотворенія 1823—1825 годовъ по разнообразію темъ, плавности и выработанности языка представляютъ очевидный шагъ впередъ сравнительно съ его «опытами» 1816—1819 годовъ. Въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ Склабовскаго усиливается музыкальный элементъ, улучшается внѣшняя форма стиха, куплеты приобрѣтаютъ округленность, и все чаще и чаще пробивается серьезная мысль и художественный образъ. Таковы небольшія лирическія произведенія: «Къ муравѣ», «Одиночество», «Пѣсенка», «Разлука» и нѣкоторые друг. въ «Украинскомъ Журналѣ» 1824—1825 годовъ. Одинъ изъ лучшихъ харьковскихъ музыкантовъ того времени Барцицкій положилъ «Разлуку» на ноты, но «произведеніе отличнаго виртуоза», какъ выразился о немъ Склабовскій, не могло быть издано, «за недостаткомъ средствъ относительно гравированія». Любопытно, что Барцицкій искалъ хорошаго гравера для приглашенія въ Харьковъ и собирался издавать съ 1825 года «Украинскій Музыкальный Журналъ»¹⁾, но, повидимому, дѣло это не выгорѣло.

Склабовскій постепенно освобождался отъ романтическаго пустословія, и въ 20-хъ годахъ въ его стихахъ обнаруживается уже много простоты и естественности. Интересно, напримѣръ, въ этомъ отношеніи «Посланіе къ Е. М. Ф.» (Филомафитскому). Стихотвореніе написано сильно. Содержаніе вкратцѣ состоитъ въ томъ, что поэтъ, утомленный суетою, заснулъ, и во снѣ Геній бесѣдуетъ съ нимъ о славѣ и пользѣ общественной. Затѣмъ слѣдуетъ пробужденіе и утренній чай.

Вчера, наскучивъ суетою,
Уставши отъ пустыхъ затѣй,
Меня томившихъ столько дней,
Я, недовольный самъ собою,
Рѣшился, бросивъ всѣ дѣла,
Вкусить покой на лонѣ лѣни.
Ужъ ночь давно сѣдя тѣни
На мирный градъ нашъ низвела.
Замерзлымъ инеемъ одѣта,
Земли сопутница—планета,
Другъ пѣснопѣнья и любви,
На мгlistомъ небѣ чуть мерцала...
И звѣздочки въ пустой дали
Отъ мрака выглянуть боялись,

¹⁾ «Укр. Журн.» 1824 г., № 15, стр. 139.

Мелькнувъ, какъ искры, вмигъ скрывались.
 Еще печальнѣй видъ земли:
 Куда-бъ ни устремились взоры—
 На лугъ, на воды, лѣсъ и горы—
 Вездѣ одинъ лишь снѣгъ бѣлѣлъ.
 Кто-бъ изъ поэтовъ захотѣлъ
 Такой природой любоваться?
 Ну что-же дѣлать? чѣмъ заняться?
 Чѣмъ грустны мысли разогнать
 И сдѣлать сердце веселѣе?
 Бездѣйствіе всѣхъ дѣлъ скучнѣе,
 Оно тоски, томленья мать.
 Душа есть огонь, который должно
 Всегда питать, чтобъ не погасъ...

Стихъ льется плавно, передавая всѣ изгибы мысли. Попутно удачно вплетены художественныя описанія морозной ночи и морознаго утра, по пробужденіи, когда

Ужъ лучъ зари въ стекло свѣтился,
 Морозъ всѣ стекла расписалъ,
 Трескучій въ печкѣ огонь трещалъ....

а на столѣ «шумѣлъ сердитый самоваръ».

Слабовскій, какъ ученый и какъ профессоръ, также въ свое время представлялъ крупную силу. Онъ обладалъ многими свѣдѣніями и мастерски владѣлъ ими. Въ 16 и 17 ММ «Укр. Журн.» 1824 г. напечатана его большая статья: «О пользѣ и цѣли поэзіи», изъ университетскаго курса студентамъ. Тутъ авторъ говоритъ о высокомъ значеніи поэзіи, объ отношеніи ея къ философіи и исторіи, объ эпосѣ и лирикѣ. и, если не вездѣ выдержана аргументація, то вездѣ замѣтно смѣлое обращеніе съ литературными явленіями, ясный и независимый ходъ мысли, блестящій стиль. Вездѣ за ученымъ скрывается поэтъ, который дѣйствительно любить живое слово и владѣетъ имъ не только по образованію, но и по природному дарованію. Мѣстами авторъ обнаруживаетъ глубокое пониманіе и протягиваетъ руку позднѣйшимъ изслѣдователямъ художественнаго творчества. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ онъ является ближайшимъ по духу предшественникомъ Потебни и Овсяннико-Куликовскаго. Интересно, напр., слѣдующее разсужденіе Слабовскаго: «Поэзія не одному только разуму предлагаетъ свои наставленія, но, такъ сказать, передаетъ ихъ самимъ страстямъ и соединяетъ ихъ съ оними. Представляя намъ примѣры всего изящнаго, великаго, благороднаго, она глубоко запечатлѣваетъ ихъ въ сердца нашемъ, которое, подобно воску, размягчаетъ своимъ жаромъ и черезъ то дѣлаетъ его способнѣйшимъ къ принятію всѣхъ благихъ впечатлѣній». Далѣе развивается мысль, что если

исторія есть воспроизведеніе дѣйствительности, то словесность поднимается до построения идеаловъ. «Поэтъ, расширяя предѣлы дѣятельности человѣческой изображеніемъ вымышленныхъ случаевъ и происшествій, имѣющихъ все признаки истины, выводитъ, такъ сказать, душу изъ низкой сферы ограниченности, доставляетъ ей новую, разнообразнѣйшую и пріятнѣйшую пищу и даетъ ей живо чувствовать ея божественное происхожденіе». Въ одномъ мѣстѣ Склабовскій, оправдывая значеніе небольшихъ стихотвореній, говоритъ, что они вытекаютъ непосредственно изъ души, безъ принужденія, «очищаютъ и совершенствуютъ языкъ», представляютъ намъ вѣрное изображеніе нравственнаго бытія народа, его склонности, страсти, забавы и вообще все, до гражданской жизни относящееся». Положенія эти, правда, не развиты, брошены мимоходомъ; но они являются уже зародышемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ впоследствии былъ основанъ литературный реализмъ. Самъ Склабовскій всецѣло на сторонѣ дидактическаго идеализма и требуетъ отъ поэзіи, чтобы она «хранила и питала въ душѣ нашей небесныя искры всехъ добродѣтелей и воспламеняла въ ней порывы ко всему прекрасному и возвышенному».

Склабовскаго, какъ профессора и ученаго, хорошо еще характеризуетъ помѣщенный имъ въ «Укр. Журн.» 1824 г. большой разборъ оды Ломоносова на кн. Іова, разборъ, интересный въ томъ отношеніи, что указываетъ на лучшіе въ то время приемы университетской критики. Авторъ отнесся къ темѣ вполне самостоятельно. Разборъ искусный. Склабовскій, разбирая стихъ за стихомъ, сравнивая ломоносовскій текстъ съ библейскимъ оригиналомъ, отмѣчаетъ удачныя мѣста, не оставляетъ безъ вниманія и слабыя стихи, вяло и невѣрно передающихъ текстъ кн. Іова. Детальный и хорошо обставленный сравненіями и доказательствами разборъ оды Ломоносова показываетъ въ Склабовскомъ умѣлаго и искуснаго университетскаго преподавателя. Главное достоинство статьи состоитъ въ свободной и смѣлой критикѣ. Молодой ученый, очевидно, не былъ подавленъ авторитетами и, хотя съ заключительными оговорками, сохранилъ вполне свою духовную независимость — для 20-хъ годовъ рѣдкая и достойная черта.

«Что-жъ до того, говоритъ Склабовскій, какъ осмѣлился я въ такомъ великомъ поэтѣ, каковъ Ломоносовъ, находить и замѣчать нѣкоторыя погрѣшности въ словахъ, выраженіяхъ и даже мысляхъ... то, будучи увѣренъ въ превосходствѣ Ломоносова передъ многими писателями... я увѣренъ, что Ломоносовъ такъ же легко могъ ошибаться... особенно при необработанности языка»... Сославшись далѣе на арабскую пословицу, что «кто многому вѣрить, тотъ во многомъ ошибается», Склабовскій говоритъ «что неблагоприятно смотрѣть на все только чужими глазами» и что «разумъ и истина превосходятъ и сильнѣе всякаго человѣка».

На большую разносторонность ученых интересов Склабовскаго указываютъ, между прочимъ, его двѣ статьи этнографическаго содержанія, напечатанныя въ «Укр. Журн.» 1824 г. Одна статья — «Иванъ Купало» составлена главнымъ образомъ по польскимъ пособіямъ; другая — «Троицынъ день» заключаетъ въ себѣ и личныя наблюденія, при довольно многочисленныхъ литературныхъ справкахъ. «Изъ множества слышанныхъ мною русальныхъ пѣсенъ я привожу двѣ», говоритъ Склабовскій и приводитъ затѣмъ двѣ великорусскихъ пѣсни: «Дуговая коростель» и «Конопля, конопля, зеленая моя». Обѣ статьи Склабовскаго интересны, какъ одно изъ самыхъ раннихъ проявленій въ русской литературѣ интереса къ народному быту, къ обрядности и поэзіи крестьянъ. При изученіи возникновенія и развитія въ Россіи этнографическихъ интересовъ нужно упомянуть съ благодарностью и Склабовскаго, какъ одного изъ первыхъ пионеровъ русской этнографической науки.

Въ стихахъ Склабовскаго есть намекъ на знакомство его съ былинами, которыя незадолго передъ тѣмъ лишь стали извѣстны по сборнику Кириши Данилова. Интересно въ этомъ отношеніи ст. «Жалоба» въ «Укр. Журн.» 1824 № 16, написанное въ былевомъ стилѣ:

Закатися, солнце красное,
За ту гору за Холодную!
Пусть туманы тучей темною
Надо мною разстилаются!

Возлюбленная поэта, жившая гдѣ-то подъ Холодной горой, долго была въ отсутствіи, и поэтъ не безъ ревности подозрѣваетъ, что «она» кому-то другому

....улыбкой томною,
Взоромъ сладостно привѣтливымъ
Въ сердце жизнь вливаетъ новую.

Это столь раннее подражаніе великорусскимъ былинамъ обнаружилось въ Харьковѣ, при полномъ отсутствіи въ мѣстномъ краѣ былевой поэзіи, вмѣсто которой широкой волной была разлита другая, нынѣ изсякшая эпико-лирическая поэзія малорусскихъ думъ, не огъненная и даже совсѣмъ не замѣченная харьковскими литераторами и учеными того времени; но время живого къ ней интереса было, однако, уже близко.

У Склабовскаго, несомнѣнно, былъ развитъ духъ инициативы. Еще будучи студентомъ, онъ составилъ среди товарищей литературный кружокъ. Будучи преподавателемъ и затѣмъ визитаторомъ въ одномъ изъ лучшихъ мѣстныхъ частныхъ мужскихъ пансіоновъ — пансіона Коваленкова, Склабовскій редактировалъ и издалъ сборникъ ученическихъ сочиненій. Вышелъ этотъ сборникъ подъ заглавіемъ «Опыты въ словесности» въ Харьковѣ въ самый разгаръ мистическаго благочестія и канцелярскаго

насаждения его въ сердцахъ юношества. Склабовскій, при его остромъ, наблюдательномъ и критическомъ умѣ, не совсѣмъ безгрѣшно поусердствовалъ въ этомъ направленіи, что видно уже изъ самихъ заглавій сочиненій: «Добродѣтель», «Вѣчность», «Счастье мудраго», «Смерть христіанина», «О силѣ души», «О величіи души», «Любовь къ законамъ», «Любовь къ отечеству», «Любовь къ славѣ», «Надежда на Бога», «Превосходство Вѣтнаго Завѣта надъ Гомеромъ» и др. т. п. Книжка довольно большая, въ 324 стр. Статьи большей частью переводныя. Самыми усердными вкладчиками были Гельфрейхъ, два Розаліона-Сопальскихъ и Чернозубовъ.

Съ наибольшей яркостью литературное трудолюбіе Склабовскаго обнаружилось въ то время, когда онъ сотрудничалъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1816—1818) и въ особенности когда редактировалъ «Украинскій Журналъ» (1824—1825). Въ первомъ главными работниками были Филомафитскій и Гонорскій; второй держался на Склабовскомъ. Въ томъ и въ другомъ собственно украинскаго было очень мало, если не считать рѣдкихъ и случайныхъ статей по исторіи Малороссіи, напр., статьи о Сковородѣ. Никто изъ лицъ, причастныхъ къ этимъ изданіямъ, повидимому, не зналъ ни малорусскаго языка, ни украинской народной словесности; но есть указанія, что въ самомъ обществѣ были высказываемы иногда пожеланія, чтобы эти «украинскія» изданія оправдывали свое наименованіе, и Склабовскій по этому поводу въ 1824 г. писалъ: «Не упоминаемъ о маломъ числѣ такихъ читателей, которые, имѣя въ виду одно только названіе Украинскаго Журнала, хотѣли, чтобы всѣ книжки онаго были наполнены одними только извѣстіями объ Украинѣ,— этого, въ строгомъ смыслѣ, не было нами обѣщано... Смѣемъ указать, что всѣ пьесы (т. е. статьи), напечатанныя въ У. Ж., суть произведенія Украины и большей частью Харькова, т. е. сочинены и переведены здѣшними любителями просвѣщенія, особенно студентами сего университета и ихъ наставниками. Впрочемъ, и относительно самаго содержанія статей мы старались обращать особенное вниманіе на такія, въ коихъ упоминалось что нибудь объ Украинѣ и Харьковѣ».

Интересна статья Склабовскаго: «О состояніи просвѣщенія въ Харьковѣ». Харьковский университетъ въ то время былъ еще молодъ: ему шелъ 20-й годъ; студентовъ было въ пять разъ менѣе, чѣмъ нынѣ— всего 340 чел., и преподавательскій персоналъ былъ гораздо меньшій. Склабовскій, указывая на большіе успѣхи Харькова въ дѣлѣ развитія просвѣтительныхъ учреждений, между прочимъ, выдвигаетъ два ихъ значенія — матеріальное и нравственно-воспитательное. По «вѣроятнѣйшимъ вычисленіямъ», Харьковъ получалъ ежегодно съ учащейся молодежи около полутора милліона рублей. Городская жизнь была ключемъ

въ январѣ, іюнѣ и около первыхъ чиселъ сентября, время наѣзда родителей учащихся. На улицахъ тогда появлялось много новыхъ лицъ, новые экипажи. Въ особенности оживалъ въ іюнѣ Университетскій садъ, въ которомъ тогда по воскресеньямъ и праздникамъ играла музыка. «Другая, еще важнѣйшая выгода отъ университета, говорится далѣе, состоитъ въ распространеніи просвѣщенія, въ доставленіи вѣрныхъ способовъ воспитывать юношество». О пользѣ воспитанія разсыпано по этому поводу нѣсколько теплыхъ словъ. «Симъ благомъ нетлѣннымъ вся южная Россія — Украина, Таврида, Донъ и Черноморье обязаны единственно харьковскому университету»¹⁾. Авторъ радуется успѣхамъ просвѣщенія, но тутъ же оговариваетъ, что «есть не мало людей съ различными предразсудками и заблужденіями, отъ недостатка хорошаго воспитанія, отъ пристрастія къ собственнымъ мнѣніямъ и отъ упрямой увѣренности въ прямоту ума и необъятности собственныхъ познаній, какъ бы, впрочемъ, ограничены они ни были». «Что нѣсколько филиновъ, говоритъ авторъ статьи, въ какомъ-нибудь мѣстѣ покажутся иногда и при блескѣ дневного свѣтила, слѣдуетъ ли изъ того, чтобы и всѣ птицы, тамъ летающія и поющія, были одинаковаго съ ними рода и свойства, или чтобы свѣтъ солнца былъ оттого темнѣе, что нѣсколько лучей его и на нихъ падаетъ?»

„Добра немного на землѣ;

Но есть оно — и тѣмъ милѣе

Оно быть должно для сердца“...“²⁾

Портретовъ Склабовскаго не сохранилось; нѣтъ также никакихъ о немъ воспоминаній; личная его жизнь, его характеръ, его отношенія къ товарищамъ-профессорамъ и къ мѣстному обществу остаются въ неизвѣстности. Архивныя данныя скудны и весьма односторонни: все одни чины да ордена, за которыми не видно никакой другой жизни; при всемъ томъ Склабовскій довольно отчетливо выступаетъ передъ нами, потому что онъ оставилъ живое слово: оно спасло его отъ забвенія; оно, благодарное (а Склабовскій такъ много писалъ о благодарности), ставитъ его въ переднихъ рядахъ университетской старины.

Благодаря талантиности, Склабовскій пробился въ Харьковъ, который въ то время былъ малъ и бѣденъ, пробился при попечителяхъ З. Я. и Е. В. Карнѣевыхъ, среди напущеннаго ими мистическаго тумана. Какъ профессоръ, ученый, поэтъ, журналистъ, онъ въ короткое время

¹⁾ Тутъ же въ подтвержденіе въ примѣчаніи приведено дѣйствительно характерное и убѣдительное указаніе, что въ составъ Харьковскаго учебнаго округа въ то время входили губерніи: Харьковская, Воронежская, Орловская, Курская, Черниговская, Кіевская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, земля Донскихъ казаковъ и земля Черноморскаго войска.

²⁾ Ст. Н. М. Карамзина.

выдвинулся въ передніе ряды и, не смотря на многія огорчительныя для него «злорѣчія» его противниковъ и недоброжелателей, занялъ весьма видное и вліятельное положеніе. Вліяніе его въ университетъ было большое: безъ его участія въ началѣ двадцатыхъ годовъ не проходили университетскія торжества; въ концѣ 20-хъ годовъ вліяніе его распространилось на весь обширный Харьковскій учебный округъ, при чемъ учебное начальство высоко цѣнило его, какъ дѣловаго и свѣдущаго человѣка.

Сочиненія Склабовскаго: 1) Опытъ въ стихахъ, X. 1819, ред. въ Укр. Вѣстн. 1819, XVI. 2) Царскій пиръ (стих.); см. Рѣчи И. X. ун. 1820. Отрывокъ въ Укр. Журн. 1824. II. 3) Безсмертіе души (стих.). Рѣчи И. X. ун. 1821. 4) Помпея (стих.), ib. 1822. 5) О злорѣчій (стих.), ib. 1823. 6) Зѣлима и Кольмаръ (стих.), Укр. Вѣст. 1817, V. 7) Муза или харьков. литературный сборникъ. О его издан. (несостоявшемся?) совмѣстно съ Гулакомъ-Артемовскимъ было объявлено въ Труд. Вольн. Общ. Люб. Рос. Слов. 1820, XII, 337. 8) Украинскій Журналъ, 1824 и 1825 г.г. 9) Разборъ оды Ломоносова на кн. Іова въ Укр. Журн. 1824. 10) Романсъ, Укр. Вѣст. 1818, IX. 11) Въ альбомѣ (стих.), ib. X. 12) Къ Алиѣ (стих.) ib. XII. 13) Идиллія (стих.) ib. XII. 14) Надпись на книжкѣ (ib. XIII). 15) Къ Д. Ш. (стих.) ib. 16) Ночь (стих.) ib. 17) Идиллія, ib. 18) Романсъ, ib. 1819, XIV. 19) Прохожіи и Потокъ, ib. 20) Посланіе къ Савостьянову, ib. 21) Письмо къ Филомафитскому, ib. 22) Къ Ручью (изъ Нарушевича), ib. XV. 23) Флорета, съ польск. ib. 24) Къ зарницѣ (съ польск.), ib. 25) Происхожденіе риѣмъ (съ польск.), ib. 26) Разсужденіе объ испорченности природы человѣческой. Соч. студ. И. X. ун. 1817. 27) Пѣснь Ламина, въ Укр. Вѣст. 1817, VII. 28) Пѣснь Фелима, ib. 29) Къ Незабудкѣ, ib. 1819, XV. 30) Зелиславъ и Людмила (съ польск.), ib. XVI. 31) О греческихъ народныхъ пѣсняхъ (съ польск.), ib. XVI. 32) О воспитаніи, въ Укр. Журн. 1824, I. 33) Грусть, ib. 34) Эпитафія, ib. 35) Посланіе къ Филомафитскому, ib. 36). Къ муравѣ, ib. 37) Тоска по миломъ, ib. 38) Одиночество, ib. II. 39) Пѣсенка, ib. 40) Рыцарь, ib. 41) Не можетъ быть, ib. 42) Троицынъ день или Русальная недѣля, ib. (248—263). 43) На бракосочетаніе В. Кн. Михаила Павловича, ib. 44) Иванъ Купало (описаніе торжества), ib. (317—325). 44) Прощальный гимнъ, въ Укр. Журн. 1824, III. 45) Я видѣлъ ихъ, ib. 46) О состояніи просвѣщенія въ Харьковѣ, ib. (49—56, 106—113, 205—224). 47) О пользѣ и цѣли поэзіи ib. III. 48) Разлука, ib. 49) Жалоба, ib. 50) Золотой вѣкъ, ib. 51) Е. В. Карѣеву, ib. IV. 52) Е. С. Карѣевой, ib. 1825, V. 53) Воспоминаніе, ib. VI. 54) Зачѣмъ опять, ib. 55) Путеводная звѣзда, ib. 56) Дѣва-звѣздочка, ib. VII. 57) Историческій взглядъ на Россію съ 862 по 1240 г. Соч. студ. И. X. ун. 1818. 58) De felicitate hominis (разсужденіе), ib. 59) Пѣвецъ Творца (стих.), ib.

Н. О. Сумцовъ.

Гонорскій Разумникъ Тимофеевичъ, род. въ Тулѣ отъ родителей духовнаго званія въ 1791 г.; учился въ Тульской семинаріи, стихи началъ писать съ 14 л. возраста въ «Другѣ Юношества». Въ 1810 г. поступилъ въ Петербургскій педагогическій институтъ, былъ учителемъ въ Новомъ-Осколѣ, лекторомъ нѣмецкаго языка въ Харьк. унив., затѣмъ лекторомъ всеобщей статистики и географіи и позднѣе адъюнктомъ по русской словесности. Скончался въ 1819 г. на 28 г. жизни. Прочувствованный некро-

логъ напечатанъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ проф. Борзенковымъ (ч. XV, стр. 240—244). Гонорскій состоялъ членомъ корреспондентомъ Моск. Общ. Любит. Рос. Словесн. Совмѣстно съ Филомафитскимъ Гонорскій издавалъ «Украинскій Вѣстникъ», одинъ изъ лучшихъ журналовъ начала XIX ст. «Страсть къ наукамъ, говорилъ Борзенковъ при погребеніи Гонорскаго, въ особенности къ языкамъ и изящной словесности, надрывала его здоровье; но горестъ о потерѣ его усугубляется также тѣмъ, что у него были превосходныя нравственныя качества, любезность въ характерѣ, скромность въ обращеніи, уваженіе къ начальству, нѣжность въ дружбѣ и привязанность къ родственникамъ, однимъ словомъ, — чистота души и невинность нравовъ». Въ черновыхъ матеріалахъ Рославскаго-Петровскаго замѣчено, что «при всемъ трудолюбіи Гонорскаго строгая воздержанность и правильный образъ жизни надолго бы сохранили его здоровье, если бы нервная горячка въ двѣ недѣли его не похитила».

Сочиненія Гонорскаго: 1) Духъ Горациа и Тибулла. X. 1814. Напеч. въ Труд. Общ. Любит. Рос. Словесн. 1819, VIII. 2) *Pratique de la langue française*. Практика французскаго языка. 2 ч. X. 1814. 3) Темпейская долина (изъ Бартеlemi), въ Укр. Вѣстн. 1816. I. 4) Валентинъ Дюваль, или крестьянскій мальчикъ-самоучка, въ Укр. Вѣст. 1816. I. 5) Опыты въ прозѣ, съ приложеніемъ двухъ сонетовъ, двухъ романовъ и одной фантазіи. X. 1818. Рецензія въ Сынѣ Отеч. 1818 г. Отрывки изъ этой ст. въ Укр. Вѣст. 1817 г. 6) Духъ русскихъ (Осенняя пѣснь 1812 г.), СПБ. 1813. 7) Моя мечта (посвящается Горациевой тѣни). Стих. въ Укр. Вѣст. 1816. I. 8) Греческая весна (изъ Бартеlemi), Боги Греціи (изъ Денрео) и Аполлонъ Бельведерскій (изъ Винкельмана) въ Укр. Вѣст. 1816. I. 9) Петраркинъ сонетъ (*L'amor non e*). Ib. II. 10) Отрывки (для славянолюбцевъ), ib. 1816. I. 11) Романсъ, съ итал., ib. IV. 12) Украинскій Вѣстникъ, изд. Гонорскимъ совмѣстно съ Филомафитскимъ и Г. К. Квиткой съ 1816 по 1819 г. 13) Страна душъ (изъ Гердера), въ Укр. Вѣст. 1818. XII. 14) Теорія музыки, или разсужденіе о семъ искусствѣ, заключающее въ себѣ исторію, цѣль, дѣйствіе музыки, генераль-басъ, правила сочиненія (композиціи), описаніе инструментовъ, разные роды музыки и все, что относится къ ней въ подробности. Соч. Де-Кельве, 2 ч. 1818. Отрывки въ Укр. Вѣст. 1816—1817 г. 15) О подражательной гармоніи. X. 1815 г. Отрывки въ Укр. Вѣст. 1816—1817 г. 16) Франклинь. Пер. съ франц. въ Укр. Вѣст. 1816. II. 17) Рѣчь Гонорскаго въ слоб.-укр. гимназій, ib. 18) Тассъ (изъ Ансильона), ib. III. 19) Зандъ и Занда, съ испанскаго, ib. 20) Нѣчто о переводѣ Виргиліевыхъ Георгикъ русскими гекзаметрами, ib. 1817. V, VI. 21) Эскизъ (изъ Мармонтеля), ib. 22) И проза можетъ быть языкомъ поэзій (изъ Мармонтеля), ib. 23) Нѣчто объ элегіи (изъ Жокури), ib. 1817. VI. 24) Петраркинъ сонетъ, съ итал., ib. 1816. I. 25) О новой системѣ воспитанія для первоначальныхъ училищъ, съ франц. 26) Приключеніе, случившееся съ Тюренемъ, съ франц., въ Укр. Вѣст. 1816. IV. 27) О ежегодномъ истребленіи лѣсовъ и необходимости сбереженія ихъ, съ франц., въ Укр. Вѣст. 1818. 28) Нѣчто о нашей живописной прозѣ и о нынѣшнемъ состояніи русской словесности вообще, ib. 1816. IV. 29) О духѣ времени, ib. 1818. X. Въ рукописи осталось соч. „Статистика европейскихъ государствъ и Американскихъ Штатовъ“.

Н. О. Сумцовъ.

Золотаревъ Иванъ Яковлевичъ, род. въ Черкасскѣ въ 1801 г., кандидатъ Имп. Харьк. унив. въ 1822 г.; въ 1823 г. былъ оставленъ при университетѣ и сталъ читать лекціи по риторикѣ; въ 1826 г. ему было временно поручено чтеніе лекцій по поэзіи; въ 1829 г. былъ утверждёнъ въ должности адъюнкта по русскому языку и словесности. Этому утверждёнью въ 1824 г. предшествовало обращеніе Золотарева къ попечителю Е. В. Каріѣву съ просьбой объ утвержденіи помимо факультета и совѣта. Просьба проникнута сервиллизмомъ. Золотаревъ въ это время состоялъ секретаремъ студенческаго библейскаго общества. Въ университетѣ Золотаревъ читалъ риторикѣ по Рижскому, поэзію, исторію русской словесности, временно логику и психологію по рукописи Дудровича. Золотаревъ читалъ лекціи довольно порядочно, хотя и не пользовался большимъ расположеніемъ студентовъ. Такъ какъ онъ воспитывался въ университетѣ на счетъ Войска Донскаго, то въ 1830 г. былъ вызванъ войсковымъ начальствомъ. Онъ былъ опредѣленъ директоромъ новочеркасской гимназіи. Изъ сочиненій Золотарева, вообще очень слабыхъ, нѣкоторый интересъ представляетъ рѣчь о важности занятій въ отечественномъ языкѣ. Авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что даже иностранцы (Левекъ) высоко ставили русскій языкъ.

Сочиненія Золотарева: 1) О пользѣ чтенія книгъ Свящ. Писанія, рѣчь. Х. 1821. 2) Къ дунѣ (стих.) въ Укр. Вѣстн. 1819, XVI. 3) Даниловка (стих.), въ Укр. Журн. 1825 VIII. 4) Къ другу (португ. пѣсня), въ Укр. Журн. 1825 VIII. 5) Вечерняя звѣзда (стих.), ib. 6) Были еще статьи Золотарева въ „Моск. Телеграфъ“ 1826 г. и въ „Благонамѣренномъ“ 1826 г. 7) О важности и необходимости занятій въ отечественномъ языкѣ. Актовая рѣчь 1829 г.

Н. Θ. Сумцовъ.

Фойгтъ Карлъ Карловичъ, лекцій не читалъ. Напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: «Мысли объ истинномъ значеніи и содержаніи риторики». Извѣстенъ, какъ ректоръ харьковскаго университета и затѣмъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа. Подъ его редакціей къ 50-ти-лѣтнему юбилею Харьковскаго университета вышелъ цѣнный трудъ — Историко-статистическое описаніе его учебно-вспомогательныхъ учреждений.

Н. Θ. Сумцовъ.

Якимовъ Василій Алексѣевичъ, род. въ 1802 г., происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса въ Бѣлгородской семинаріи поступилъ въ 1823 г. въ своекоштные студенты II. Х. университета на словесный факультетъ, который окончилъ въ 1826 году кандидатомъ. Въ 1827 г. Якимовъ былъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ; съ 1831 г. ему было поручено препода-

даваніе русской словесности въ университетѣ; въ 1832 г. въ Петербургскомъ университетѣ получилъ степень магистра русской словесности и утвержденъ адъюнктомъ по этому предмету; въ 1838 г. получилъ докторскую степень за сочиненіе: «О краснорѣчїи въ Россїи до Ломоносова». Въ 1839 г. Якимовъ получилъ званіе экстраординарнаго и въ томъ же году званіе ординарнаго профессора. Въ 1852 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, былъ въ совѣтъ забаллотированъ (12 избират. и 13 неизбират.), вышелъ въ отставку съ пенсіей и скончался въ 1853 году. О Якимовѣ сохранилось нѣсколько воспоминаній современниковъ. Такъ, Н. говоритъ, что Якимовъ, бывшій еще до профессорства преподавателемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, славился искусствомъ своей декламации. Вспоминая о рѣчи Якимова «Даръ слова», Н. говоритъ: «Не столько самое содержаніе, сколько живая, отчетливая и выразительная рѣчь оратора произвела самое прїятное впечатлѣніе на слушателей и вызвала одобрительныя отзывы всей публики». Но Якимовъ не оправдалъ надеждъ, которыми встрѣтили его при вступленіи на университетскую кафедру. Первоначальное воспитаніе его въ семинаріи (Бѣлгородской) наложило на него неизгладимый типъ своеобразныхъ воззрѣній на жизнь и науку. Онъ разлюбилъ новѣйшую литературу и даже такихъ поэтовъ, какъ Жуковскій и Пушкинъ, которыхъ прежде самъ былъ поклонникомъ. Лекціи Якимова по исторіи русской литературы не шли далѣе Карамзина, и всего болѣе и съ наибольшими подробностями останавливался онъ на произведеніяхъ до-петровскаго періода... Онъ издалъ нѣсколько переводовъ Шекспира, вѣрно передающихъ мысль автора и текстъ подлинника. Въ послѣднее время своей жизни Якимовъ прїобрѣлъ въ Харьковѣ домъ и открылъ коммерческое училище для дѣтей купцовъ. Педагогическая дѣятельность Якимова, при его не совсѣмъ трезвой жизни, еще болѣе отвлекала его отъ ученыхъ профессорскихъ занятій». — Д. П. Хрущовъ сообщаетъ о Якимовѣ слѣдующія свѣдѣнія: «Якимовъ, сынъ священника, довольно образованный, но читалъ словесность вяло, безъ цвѣта, голосомъ монотоннымъ, часто вытирая ротъ то двумя пальцами правой руки, то носовымъ платкомъ, который во время лекціи лежалъ у него обыкновенно на кафедрѣ, съ правой стороны. Онъ былъ, что называется, ума твердаго, но простаго, любилъ острить не кстати и тупоумно и самъ хохоталъ о пущенномъ словѣ съ большимъ самодовольствомъ. Впрочемъ, онъ былъ добрый человекъ, и мы его любили». Н. И. Костомаровъ рѣзко отзывается о переводахъ Якимова изъ Шекспира. «Якимовъ, говорилъ онъ, прославился въ свое время бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ примѣръ бессмыслицы». Приводимый далѣе отзывъ М. И. Сухоминова, болѣе снисходительный. Де-Пуле, слушавшій Якимова, въ своихъ

воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ говорить: «Якимовъ былъ не безъ извѣстности въ литературѣ, какъ первый переводчикъ Шекспира прозою.... Якимовъ принадлежалъ къ числу литераторовъ 20—30 годовъ; на тогдашнемъ міросозерцаніи онъ остановился и не пошелъ далѣе; съ тогдашними воззрѣніями на литературу онъ и остался. Онъ писалъ для актовъ торжественныя рѣчи; былъ убѣжденъ въ необходимости писать такія же стихотворенія и даже пѣснопѣнія; требовалъ отъ студентовъ того же; хотѣлъ, чтобы они изучали Россіаду; но, къ счастью, требовалъ и хотѣлъ онъ всего этого какъ-то сонно и апатично. Якимовъ читалъ студентамъ эстетику довольно сносно и исторію русской литературы совсѣмъ уже плохо. Якимовъ былъ человѣкъ добрый, а главное—какой-то забытый или надломанный, а потому и дѣломъ своимъ занимался спустя рукава; случалось, что по приходѣ онъ тотчасъ же уходилъ съ лекціи, сознавая, что не приготовился къ чтенію, и между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ и образованнѣе и ученѣе современныхъ ему профессоровъ-словесниковъ въ другихъ университетахъ (?). Мы застали Якимова еще не старымъ. Онъ опустился отъ разстройства своихъ экономическихъ и семейныхъ дѣлъ. Онъ содержалъ нѣсколько лѣтъ мужской пансіонъ, ничего, кромѣ полнѣйшаго разоренія, ему не принесшій; семейныя несчастія его были весьма серьезны»¹⁾. М. И. Сухомлиновъ, слушавшій лекціи Якимова, въ статьѣ объ уничтоженіи диссертаций Н. И. Костомарова въ 1842 г.²⁾, говоритъ, что «профессора русской словесности В. А. Якимова постигла крайне печальная судьба въ нашей литературѣ, и оригинальныя его произведенія и переводы встрѣчены были весьма несочувственно. Съ настойчивымъ упорнымъ трудомъ Якимовъ изучалъ Шекспира и рѣшился перевести его на русскій языкъ съ буквальной точностью, сохраняя всѣ особенности слога и способа выраженія подлинника, удерживая всѣ частицы и т. п.—задача рѣшительно невозможная. Переводъ вышелъ во многихъ мѣстахъ неуклюжимъ, и переводчикъ не достигъ своей цѣли усвоить русской литературѣ произведенія знаменитаго англійскаго драматурга. Тѣмъ не менѣ самая мысль избрать для перевода такого писателя, какъ Шекспиръ, заслуживаетъ вниманія. Нельзя также не отдать справедливости трудолюбію Якимова, который, не смотря на крайне неблагопріятныя условія своего воспитанія и жизненной обстановки въ годы молодости, основательно изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ. Якимовъ принадлежитъ къ риторамъ старой школы, писалъ разсужденія, и въ стихахъ и въ прозѣ, о краснорѣчій въ смыслѣ подлежательномъ и предметномъ, о красотахъ и изобиліи русскаго языка и т. п. предметахъ. Его рѣчь въ стихахъ подѣ

¹⁾ Вѣстн. Европы. 1874, I, 97.

²⁾ Древн. и Нов. Россія. 1877, I, 43.

названіємъ «Даръ Слова», произнесенная въ торжественномъ собраніи Харьковскаго университета въ 1831 г., показываетъ, какое понятіе авторъ имѣлъ о поэзіи. Страннымъ можетъ показаться, что такіа вирши не только читались съ университетской кафедры, но что онѣ были выслушаны съ большимъ удовольствіемъ и оказалась потребность напечатать ихъ. Таковы были литературные вкусы... Въ бумагахъ кн. В. О. Одоевскаго ¹⁾ сохранилась интересная записка Одоевскаго къ А. С. Пушкину: «Не угодно ли Вамъ будетъ, Александръ Сергѣевичъ, выслушать Шекспирова Венеціанскаго Купца, переведеннаго г. Якимовымъ, который собирается перевести всего Шекспира. Завтра (27 марта 1832 г.) Якимовъ будетъ читать свой переводъ у меня, и Вы много и его, и меня порадуете, если захотите быть въ числѣ слушателей. Я пригласилъ и кн. Петра Андреевича (Вяземскаго)».

Сочиненія Якімова: 1) Объ отношеніи просвѣщенія, нравственности и политики къ истинамъ откровенія. Рѣчь въ торжеств. собр. студент. библейскаго сотоварищ. при Имп. Харьк. универ. 1824 г. въ Укр. Журн. 1824. II. 2) Разсмотрѣніе книги подъ названіемъ Философія, основанная на религіи, Ibid. III. 3) О безсмертіи чело-вѣка. Актовая рѣчь. 1824 г. 4) Надежда (стих.), въ Укр. Журн. 1825. VII. 5) Даръ слова. Рѣчь въ стихахъ. Университ. рѣчи 1831 г. 6) Слово о краснорѣчии. Рѣчи, сказан. въ универ. въ 1832 г. 7) Первое дѣйствіе „Король Лиръ“ Шекспира. X. 1831 г., въ Москов. Телегр. 1832 г. № 5 (с. 19—79). Весь переводъ вышелъ въ СПб. въ 1833 г. 8) Венеціанскій Купецъ, драма въ 5 д., соч. Шекспира, СПб. 1833 г. 9) О духѣ, въ коемъ развивалась російская литература со времени Ломоносова, и вліяніи, какое имѣли на сіе развитіе литературы иностранцы. Разсужденіе В. Якімова. СПб. Отз.: 1) Сѣвер. Пчела 1833 г., № 164 (стр. А. А. А.) и 2) Молва 1833 г., № 86) 10. О краснорѣчии въ Россіи до Ломоносова. Докторская диссертация. 1839 г. Отз. М. И. Сухомлинова въ 1 кн. Древ. и Нов. Рос. 1877, стр. 44: „Диссертация Якімова отличается безцвѣтностью содержанія и наивностью критическихъ отчетовъ“. Въ рукописяхъ (см. отчетъ И. Х. У. 1843 г.) остались переводы Отелло Цимбелина, Сонъ въ лѣтнюю ночь, Что Вамъ угодно, драма съ испанскаго и персидская грамматика Джонеса.

Н. О. Сумцовъ.

Костырѣ Николай Трофимовичъ, докторъ славянской филологіи, адъюнктъ по кафедрѣ русской словесности, род. въ с. Чернятинѣ Мохн. у., Кіевской губ., въ 1818 г., первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца, зажиточнаго дворянина Полтавской губ., среднее въ Харьковской губернской (нынѣ 1-й гимназіи) и въ Кіевской 1-й гимназіи, въ 1835 г. поступилъ въ университетъ св. Владимира, на историко-филологическій факультетъ, который и окончилъ въ 1839 г. со степенью кандидата и съ золотой медалью. По рекомендаціи М. А. Максимовича, Костырѣ былъ

¹⁾ Русскій Архивъ. 1864, стр. 813—814.

избранъ и. д. адъюнкта по кафедрѣ русской словесности въ университетѣ св. Владиміра. Костырѣ читаль теорію прозы и поэзіи, исторію древней и новой русской литературы. Обладая рѣдкимъ даромъ слова, Костырѣ привлекалъ многочисленныхъ слушателей. Достоинствомъ чтенія была живость изложенія. Въ 1845 г. Костырѣ выдержалъ магистерскій экзамень и защитилъ диссертацию: «О значеніи Жуковского и Батюшкова въ русской литературѣ». Въ 1846 г. Костырѣ обратился къ филологіи. Результатомъ этихъ занятій была докторская диссертация (1850 г.): «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка». По словамъ проф. А. И. Линниченка, Костырѣ «не будучи филологомъ-спеціалистомъ... впадалъ въ крупныя ошибки». Сочиненіе это вызвало рѣзкія нападки критики и полемику Костыря съ Буслаевымъ. Большая строгость и требовательность на экзаменахъ, вызываемая отчасти болѣзненностью профессора, вызывала разныя столкновенія, которыя были причиной перехода Костыря 1850 г. въ Харьковскій университетъ, гдѣ пробылъ всего около 3 лѣтъ. Въ 1852 г. Костырѣ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ¹⁾. Скончался 14 августа 1853 г., во время поѣздки въ Валки, и похороненъ на городскомъ валковскомъ кладбищѣ. Во время пребыванія въ Харьковѣ Костырѣ развилъ значительную дѣятельность. Первая лекція, прочитанная, по стеченію обстоятельствъ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія кн. Ширинскаго-Шахматова и попечителя учебнаго округа Кокошкина: «О прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ», произвела прекрасное впечатлѣніе и надолго осталась памятной въ харьковской ученой средѣ. Лекціи Костыря въ Харьковскомъ университетѣ имѣли характеръ великолѣпныхъ импровизаций съ отгѣнкомъ мечтательности. Аудиторія его всегда была биткомъ набита студентами разныхъ факультетовъ. Въ первый годъ своего профессорства въ Харьковѣ Костырѣ излагалъ эстетику, а во второй—исторію русской литературы. Обратившись къ изученію нѣмецкой философіи, въ интересахъ уясненія теоріи поэзіи и прозы, Костырѣ увлекся философіей Шуберта. Какъ профессоръ, Костырѣ отличался большою доступностью. Въ Кіевѣ и въ Харьковѣ онъ устраивалъ собесѣдованія, литературные вечера, раздавалъ студентамъ для чтенія книги религіозно-нравственнаго характера. Любимыми писателями Костыря были Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ, къ объясненію которыхъ Костырѣ прилагалъ туманную эстетическую мѣрку. Въ Харьковѣ Костырѣ обнаружилъ большую литературно-научную производительность. Такъ, въ 1851 г. напечатаны были: 1) Учрежденіе и открытіе Харьковскаго благотворительнаго собранія, 2) Ученыя справки по поводу

¹⁾ При баллотировкѣ въ совѣтъ было 15 избир. и 2 неизб. шара.

нападокъ проф. Буслаева на мнѣнія акад. Дорна и проф. Костыря о происхожденіи и значеніи знаковъ ѣ и ѣ въ русскомъ языкѣ, 3) Филологическія изысканія въ Переяславѣ и Кіевѣ (Златоверхо-Михайловскій монастырь), обзоръ памятниковъ церковно-славянской письменности XV—XVI в., хранящихся въ монастырѣ (напеч. въ Отчетѣ Харьковскаго унив. за 1851—1852 г., а также въ Харьк. Губ. Вѣд. 1852 № 39 и Журн. М. Н. Пр. 1853, LXXVII) и 4) Батюшковъ, Жуковский и Пушкинъ, ч. I 1853. Авторъ біографическаго очерка Костыря въ «Біограф. словарь проф. унив. св. Владиміра» Линниченко говоритъ (стр. 303), что сочиненіе это не было выпущено въ свѣтъ и затѣмъ совсѣмъ уничтожено авторомъ. Въ бібліотекѣ Харьковскаго университета есть печатный экземпляръ 1 части въ 166 стр., напеч. въ Харьковѣ, въ университетской типографіи. Въ послѣдніе годы своей жизни Костырь занимался еще разборомъ архивныхъ дѣлъ Черниговской губ. и изученіемъ въ физическомъ отношеніи губ. Харьковской, Полтавской и Черниговской, по результаты этихъ занятій остались неизвѣстными. Если принять во вниманіе глубокое разстройство здоровья Костыря, то эти многочисленныя работы его въ концѣ жизни получаютъ особое значеніе — точно профессоръ желалъ удержать съ ихъ помощью ускользавшую изъ его рукъ нить жизни. Костырь въ 1845 г. перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ «Рѣчь о флорѣ сѣверной полосы Россіи». Обращеніе въ концѣ жизни къ рукописямъ и къ архивамъ указываетъ на поворотъ къ реальному изученію русской старины. Человѣкъ, несомнѣнно, способный, съ даромъ слова, Костырь не имѣлъ вліянія въ области научныхъ изысканій. Всѣмъ изслѣдованіямъ Костыря сильно вредили многословіе, туманность, неумѣренная склонность къ философствованію, къ обобщеніямъ, шаткость принятыхъ эстетическихъ основаній и полное пренебреженіе къ исторической точкѣ зрѣнія. Возьмемъ, напр., обширное изслѣдованіе о филологич. изученіи русскаго языка, 1-й т. 1848 г. въ 277 стр. и 2-й т. 1850 г. въ 350 стр. Это курсъ лекцій 1846—1848 г.г. Постѣ небольшого введенія въ 17 стр., Костырь говоритъ о Павскомъ (18—70), о Катковѣ (81—277) и о Шишковѣ, которому отведенъ весь второй томъ въ 355 стр. На одной и той же 2-й страницѣ упоминаются рядомъ, какъ филологи: Востоковъ и Давыдовъ, Павскій и Платонъ Лукашевичъ. Костырь проницательно упоминаетъ «мечты о какой-то славянской наукѣ». Буслаеву и Каткову посланъ укоръ, что они «вдаются въ слишкомъ мелочную матеріальную разработку, не опредѣливъ напередъ ни началъ, ни правильнаго научно-систематическаго ея метода, ни самой цѣли» (стр. 3), филологическое изученіе противопоставляется грамматическому (стр. 4). «Въ грамматическое изученіе, по словамъ Костыря, входитъ не весь русскій языкъ во всемъ

объемъ его историческаго развитія, но только русскій языкъ, правильно употребляемый, установившійся въ пишущемъ и читающемъ обществѣ... только одинъ письменный языкъ извѣстной эпохи... общепринятый литературный языкъ современной намъ эпохи» (стр. 7—8). «Филологическое изученіе имѣетъ предметомъ своимъ организмъ русскаго языка, разсматриваемаго въ его родствѣ съ языками общеславянскими и языками древняго міра и въ историческомъ развитіи его отъ древнѣйшей эпохи до современной» (14). Вообще, филологическія построенія Костыря, крайне шаткія и произвольныя, были по своей туманности и неопредѣленности шагомъ назадъ по сравненію съ краткими, но стройными и ясными построеніями его учителя Максимовича. Такая же многословность и туманность обнаруживаются и въ собственно литературныхъ разсужденіяхъ Костыря, какъ видно изъ 1 ч. его книги «Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ». Характерны эпиграфы—одинъ изъ Карамзина «Для насъ, русскихъ, одна Россія самобытна» и проч., другой изъ Данила Заточника (съ хронологич. пометкой «XII вѣка»): «Азъ бо, Княже Господине, ни бо море ходилъ, ни отъ философіи научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтамъ и совокупляя яко медвенный сокъ»... Изслѣдованіе состоитъ изъ предисловія (1—40) и разсужденія о поэзіи Батюшкова (41—166). Характеръ изслѣдованія опредѣляется уже изъ заглавія: «Изъ лекцій эстетической критики русскихъ писателей, читанныхъ 1851 г. въ историко-филологическомъ факультетѣ». И въ предисловіи авторъ подчеркиваетъ, что цѣлью его служить эстетическое изученіе русскихъ писателей. Поговоривъ сначала пространно о человѣчественномъ и о національно-русскомъ элементахъ, существовавшихъ въ XVIII ст. раздѣльно и сливавшихся лишь въ русскихъ монархахъ, а въ XIX ст. соединившихся и укрупнившихся въ сознаніи общества; поговоривъ затѣмъ также пространно о субъективизмѣ и объективизмѣ поэтовъ, Костырѣ такъ опредѣляетъ свою задачу: «Статьи современной литературы нашей, посвящаемыя разсмотрѣнію отечественныхъ писателей, могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ видамъ—литературно-біографическаго очерка и критическаго разбора. Въ первомъ изображается, по преимуществу, писатель, во второмъ произведенія писателя; но ни въ томъ, ни въ другомъ не изображается писатель въ его произведеніяхъ... Чтобы достигнуть этой цѣли соединенія историческо-литературной стороны съ критическою, нужно извлекать характеръ, душу писателя, не изъ одной внѣшней жизни его, но изъ природныхъ его способностей, изъ врожденныхъ зачатыхъ идей, для чего необходимъ особенный разборъ—психологическій. Давъ главное мѣсто этому элементу, я назвалъ мое сочиненіе разборомъ эстетическимъ... При совмѣщеніи въ моей книгѣ всѣхъ существенныхъ сторонъ литера-

турнаго обозрѣнія, исторической, критической и психологической, подробное обстоятельное развитие каждой стороны было бы требованіемъ не только не законнымъ, но даже неумѣстнымъ». Далѣе Костырѣ пространно поясняетъ, что имѣетъ цѣлью опредѣлить сначала поэтическую индивидуальность каждаго писателя и опредѣлить далѣе душу поэта въ произведеніяхъ (стр. 38). Въ результатѣ нѣтъ ни исторіи, ни критики, ни психологіи, а есть только рядъ апріорныхъ и многословныхъ разсужденій по разнымъ случайно возникшимъ на ходу работы поводамъ. Мѣстами проскальзываетъ увлеченіе идеей русскаго патріотизма, осужденіе либерализма и значительное самоумнѣніе. Костырѣ съ осужденіемъ отвергаетъ мнѣніе о Батюшковѣ, какъ антологическомъ поэтѣ, о Жуковскомъ, какъ переводчикѣ. Его возмущаетъ, что съ славнымъ именемъ Пушкина (соединяють иногда) «недостойную, нисколько имъ незаслуженную славу либерала, противника коренныхъ началъ руссизма» (40). «При разборѣ Батюшкова, говоритъ Костырѣ, я вхожу въ глубокое изученіе отдѣльныхъ строфъ, стиховъ, даже звуковъ.... При разборѣ Жуковскаго и Пушкина, напротивъ, я оставляюсь, что написано послѣ Ундины и Бориса Годунова не входитъ въ мой разборъ.... Не говоря ничего о Евгеніи Онѣгинѣ, Нулинѣ, драматическихъ сценахъ, я нисколько не считаю разборъ мой одностороннимъ, неполнымъ: сущность поэзіи Пушкина опредѣлена мною вполне, но произведенія описаны не всѣ; руководствуясь первымъ, всякій легко можетъ заключить себѣ изученіе поэзіи Пушкина». Такое высокоумѣнное психологическо-эстетическое отношеніе къ поэзіи Пушкина ясно говоритъ о несостоятельности всего методологическаго пріема и ограниченности историко-литературныхъ свѣдѣній автора. Костырѣ сбивалъ отчасти съ пути какой-то недостатокъ для него самого ясный «русскій образъ мыслей». «Сдѣланный мною разборъ трехъ нашихъ поэтовъ, говоритъ Костырѣ, надѣюсь, пріобрѣтетъ въ наукѣ то снисходительное вниманіе, котораго въ правѣ ожидать первый опытъ въ этомъ родѣ. Ежели мнѣ первому пришлось искать въ Батюшковѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ русскаго образа мыслей и чувствъ, то, хотя бы эти поиски были и не совсѣмъ удачны, любители отечественнаго не должны бы, кажется, оставить безъ сочувствія трудъ нашъ, принимая снисходительно и эту слабую жертву, приносящую чести самолюбія отечественнаго» (30). Научнаго значенія лекціи Костыря о новыхъ русскихъ писателяхъ не имѣли уже при самомъ своемъ исполненіи, далеко отставъ, напр., отъ болѣе раннихъ статей Бѣлинскаго. Въ 1843 г. Максимовичъ по поводу магистерскихъ испытаній и первыхъ трудовъ Костыря представилъ совѣту университета св. Владиміра записку, въ которой упрекалъ молодого ученаго въ «неудачномъ приложеніи гегелевскихъ идей къ русской словесности», въ «непра-

вильности языка», въ употребленіи «выраженій, не всегда ясныхъ и точныхъ», въ зависимости «отъ излишняго употребленія иностранныхъ словъ и философскихъ терминовъ» (см. Владимірскаго Буданова, Истор. ун. св. Владиміра, I, 461—462). Эти недостатки красной нитью проходятъ и черезъ послѣдующія произведенія Костыря.

Въ 1852 г. Костырь, за отказомъ Рославскаго-Петровскаго, былъ назначенъ цензоромъ для неофициальной части Харьк. Губ. Вѣдомостей, а за его отказомъ эта обязанность возложена была на Д. И. Каченовскаго.

Какъ профессоръ, Костырь былъ требователенъ. Въ 1850 г., по его предложенію, факультетъ сталъ требовать, чтобы студенты ежегодно представляли по русской словесности два сочиненія или шесть упражненій въ слоги. Но студенты, повидимому, очень неохотно исполняли это требованіе. Въ 1853 г., въ маѣ, Костырь заявилъ, что сочиненія представили 3 или 5 человекъ и 26 оказались неаккуратными, и онъ просилъ, представивъ списокъ ихъ, прибѣгнуть къ понужденіямъ. Въ списокъ означены рукой самого Костыря фамиліи, число поданныхъ сочиненій и общая отмѣтка. Любопытно, что въ числѣ не подавшихъ сочиненія и отмѣченнымъ нулемъ, находятся студенты 1 курса: Вас. Спасекій, А. А. Потебня, Петръ Тимошенко; 2 курса: Антонъ Хорошевскій; Петръ Вейнбергъ 3 курса подалъ 6 упражненій и удостоенъ отмѣткой 4. Факультетъ постановилъ не переводить въ высшій курсъ студентовъ, не подавшихъ сочиненія, но, по смерти Костыря, смягчилъ это требованіе, зачисливъ сочиненія по другимъ предметамъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Костырь обнаружилъ большую склонность къ палеографическимъ и археологическимъ изысканіямъ. Онъ предпринялъ нѣсколько экскурсій. Въ печати, между прочимъ, въ университетскихъ отчетахъ, находится описаніе рукописей, найденныхъ имъ въ Переяславѣ и въ Кіевѣ. Въ двухъ дѣлахъ Харьк. универс. архива 1851, № 142, и 1853, № 351, находится переписка по археологическимъ изысканіямъ. 16 августа 1851 г. Костырь въ рапортѣ въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета рекомендовалъ произвести археологическое изученіе городской части Переяслава и собрать древнія легенды о построеніи Переяслава и обведеніи его Змѣинымъ Валомъ. Къ «Дѣлу» 1851 г. приложена написанная рукой Костыря «Записка объ археологическихъ поискахъ въ Переяславѣ въ 1851 г.», особенно о переяславскомъ якорѣ, съ приложеніемъ рисунка. Въ 1853 г. Костырь доставилъ въ университетъ найденные имъ въ Сумахъ, въ землѣ, просо и кусокъ окаменѣлаго дуба. Заключенія по этому поводу давалъ проф. Борисякъ. Вообще, Костырь желалъ вовлечь университетъ въ кругъ археологическихъ инте-

ресовъ и въ этомъ отношеніи онъ былъ достойнымъ предшественникомъ профессора Ю. И. Морозова.

Особенно интересна неудавшаяся попытка Костыря издавать въ Харьковѣ на университетскія средства литературно-ученый журналъ подъ названіемъ «Учено-литературныя Записки». Факультетъ принялъ единогласно предложеніе Костыря; но совѣтъ большинствомъ 14 противъ 12 голосовъ отклонилъ, въ виду неудобства затраты университетскихъ средствъ на печатаніе трудовъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетской корпораціи. Тогда Костырь возбудилъ новую просьбу о разрѣшеніи ему издавать альманахъ «Минерва» на собственный его счетъ, но съ правомъ отдавать статьи тому же цензору, который цензировалъ Губ. Вѣдомости (въ то время проф. Рославскаго); попечитель учебнаго округа Кокоскинъ отказалъ въ послѣдней просьбѣ, и хлопоты Костыря не имѣли успѣха. (Дѣло 1851, № 264).

Списокъ сочиненій Костыря: 1) О значеніи Жуковскаго и Батюшкова въ русской литературѣ, Костырь. 1845. 2) Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка. 2 т. Костырь. 1850. 3) Филологическія изысканія въ Переяславѣ и Кіевѣ. Въ Отчетѣ Харьковскаго университета 1851—1852, и Харьк. Губ. Вѣд. 1852, № 39, и Ж. М. Н. П. 1853, т. 77. 4) Учрежденіе и открытіе Харьковскаго благотворительнаго собранія. 1851. 5) Ученыя справки по поводу нападокъ проф. Буслаева. 1851. 6) Объ учено-литературной дѣятельности въ Харьковѣ, въ Моск. Вѣд. 1851 (май). 7) И. И. Дмитріевъ. Литературно-эстетическій очеркъ. 1853. 8) Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ, ч. I. 1853.

Н. О. Сумцовъ.

Метлинскій Амвросій Лукьяновичъ, докторъ славяно-русской филологіи, ординарный профессоръ по кафедрѣ русской словесности, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, род. въ окрестностяхъ Гадяча въ 1814 года. Съ дѣтскихъ лѣтъ полюбилъ малорусскій языкъ и сохранилъ эту любовь до конца жизни. Эта любовь была воспитана въ немъ главнымъ образомъ няней и штатнымъ смотрителемъ гадячскаго уѣзднаго училища Макаровскимъ, авторомъ малорусскихъ стихотвореній. Дальнѣйшее образованіе Метлинскій получилъ въ Харьковской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ онъ окончилъ курсъ наукъ въ 1835 г. со степенью кандидата по этико-политическому отдѣленію. Въ 1837 г. 16 августа Метлинскій былъ опредѣленъ помощникомъ бібліотекаря Харьковскаго университета, въ 1839 г. 10 августа утвержденъ магистромъ политическихъ наукъ за диссертацию: «О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ», 8 декабря назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ русской словесности. Въ 1841 г. ему изъявлена признательность попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа за практическія занятія студентовъ по русской

словесности. 12 апрѣля 1850 г. Метлинскій былъ переведенъ въ Кіевскій университетъ и. д. экстра-ординарнаго профессора. 30 ноября 1850 г. получилъ степень доктора за диссертацию: «Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи». 14 ноября 1851 г. Метлинскій былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. 27 января 1854 г. перешелъ обратно въ Харьковскій университетъ. Въ 1858 г. Метлинскій по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку съ полной пенсіей за 20 лѣтъ службы, по ходатайству совѣта университета. Съ этого времени Метлинскій жилъ въ печальномъ уединеніи и окончилъ жизнь самоубійствомъ; онъ застрѣлился въ принадлежъ ипохондріи въ Ялтѣ 17 іюня 1870 г.¹⁾ О Метлинскомъ, какъ профессорѣ, сохранились весьма сочувственные отзывы его харьковскихъ учениковъ — Де-Пуле въ «Вѣст. Евр. (1874, I, 100 — 105) и проф. Потебни въ его автобіографіи въ «Ист. рус. этногр.» Пыпина, стр. 422. Метлинскій, по словамъ Де-Пуле, былъ вполнѣ питомцемъ Харьковскаго университета, ученикомъ Кронеберга, Лунина, Валицкаго и Артемовскаго-Гулака. Въ положеніи адъюнкта Якимова Метлинскій читалъ словесникамъ теорію поэзіи и прозы, а студентамъ 1-го курса остальныхъ факультетовъ исторію русской литературы... Метлинскій, собственно, ученымъ не былъ и не могъ быть, ни по своей натурѣ, ни по состоянію своего здоровья, весьма хилаго, не допускавшаго возможности усидчивыхъ занятій... Онъ былъ идеалистъ и литераторъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, съ провинціальнымъ, харьковскимъ закаломъ.... Плохой, по слабости легкихъ, чтець, профессоръ не болѣе, какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности требованіями отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезенъ... Взгляды самого Метлинскаго на литературу не многимъ отличались отъ взглядовъ Бѣлинскаго; профессоръ былъ знатокъ и почитатель корифеевъ нѣмецкой литературы и эстетики... Но всего благотворнѣе было вліяніе Метлинскаго, какъ человѣка. Онъ былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по-истинѣ, рѣдкаго.... Жилъ онъ философомъ, т. е. бѣднякомъ, употребляя большую часть своихъ скудныхъ средствъ на вспомошествованіе своимъ роднымъ. Дверь его квартиры всегда была открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ, смѣло можно сказать, была идеальная, товарищеская. Приобрѣсти дружеское расположеніе Метлинскаго было легко тому, кто писалъ недурно, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни. Метлинскій записывалъ не только пѣсни, но и народныя мелодіи; бандуристы были обычными его гостями». — По свидѣтельству А. А. Потебни, «русскую

¹⁾ Дата помѣчена въ ст. проф. Дашкевича о Метлинскомъ въ Біограф. слов. Кіев. проф., стр. 410; въ ст. Де-Пуле въ «Вѣст. Евр.» 1874, I, стр. 104, показанъ 1869 г.

грамматику читавъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украино-филъ (тогда еще этого термина не было) и добрый человекъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ «Южно-русскія народныя пѣсни» былъ первою книгою, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка». Проф. Д. И. Каченовскій незадолго до своей кончины, въ 1872 г., писалъ къ Де-Пуле: «Метлинскаго у насъ считали бездарнымъ профессоромъ; но вы, вѣроятно, цѣните его любовь къ народной поэзіи». Въ обзорѣняхъ преподаванія предметовъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ 40-ые годы находятся указанія, что Метлинскій читавъ теорію языка, придерживаясь Стедлера и пользуясь Гречемъ, Востоковымъ, Павскимъ, Буслаевымъ, теорію прозы по Гиллебранду и Блеру и исторію русской словесности «по собственному конспекту».

Проф. Н. П. Дашкевичъ раздѣляетъ научную и литературную дѣятельность Метлинскаго на три разряда: 1) научныя разсужденія общаго характера; 2) филологическія работы по изученію малорусскаго нарѣчія и по изданію произведеній малорусской народной словесности и 3) чисто литературныя произведенія и изданія.

Къ первому разряду относятся диссертациі: «О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ» и «Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи». Первая диссертација (магистерская), написанная преимущественно при помощи Гизо, не представляетъ въ настоящее время интереса. Проф. Дашкевичъ отмѣтилъ патріотическія и благочестивыя сужденія Метлинскаго при значительной узкости міросозерпанія. Въ докторской диссертациі по теоріи словесности мало самостоятельности. Замѣтно вліяніе Гегеля, преимущественно въ области общихъ разсужденій. До Лавровскаго въ Харьковѣ господствовала теорія словесности, и Метлинскій лишь въ дѣлѣ изученія народной словесности и изданія ея памятниковъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Докторская диссертација носить заглавіе: «Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи. Разсужденіе магистра Амвросія Метлинскаго. Харьковъ. Въ универ. типогр. 1850, 78 стр.». Если обратить вниманіе, что это взглядъ и разсужденіе, что страницъ всего 78, то будетъ уже виденъ конспективный характеръ изслѣдованія. Девять стр. (44—53) отведено русскимъ книгамъ по риторикѣ и шитикѣ съ половины XVIII до половины XIX ст. Замѣтки очень краткія, написаны безъ исторической перспективы и не всегда основательны, равно какъ не всегда справедливы. Такъ, по отношенію къ своему знаменитому предшественнику по кафедрѣ, И. С. Рижскому, Метлинскій былъ несправедливъ, не оцѣнивъ достоинствъ его риторики и упрекнувъ автора въ «несоблюденіи полноты и правильности, тяжеломъ слогѣ и въ претензіи на краснорѣчіе» (48). «Работы Метлинскаго обще-

научнаго характера, по словамъ проф. Дашкевича, не выказываютъ особой силы мысли автора, но достаточно свидѣтельствуютъ объ его трудолюбіи и стремленіи усвоить результаты западной науки по главнымъ вопросамъ историческаго значенія и теоріи поэзіи и прозы, какъ ее понимала старая школа и гегеліанство, модное въ то время и у насъ».

Гораздо важнѣе труды Метлинскаго въ области народной словесности. Въ своихъ сужденіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и малорусскаго языка Метлинскій ушелъ такъ далеко, что его даровитый ученикъ А. А. Потебня въ этомъ отношеніи былъ его прямымъ послѣдователемъ. Нѣкоторыя мнѣнія Потебни относительно языка примыкаютъ непосредственно къ слѣдующимъ словамъ Метлинскаго, высказаннымъ въ 1852 г.: «Достойны вниманія, сохраненія, изслѣдованія — не только творенія великихъ писателей, не только языкъ высшаго образованнаго сословія, — но и всякое старинное и областное слово и выраженіе, всякій особенный народный говоръ, а тѣмъ болѣе нарѣчія, какъ великорусское и малорусское, съ незапамятныхъ временъ употребляемыя милліонами народа. Ежели областное употребленіе слова, его древняя буква нерѣдко служить къ исторіи объясненія языка въ извѣстную его эпоху, то что же сказать объ этихъ богатыхъ, живыхъ, цвѣтущихъ отрасляхъ великаго русскаго языка, широко раскинуваемаго свои разнообразныя вѣтви? Теперь же странно смѣшивать языкъ литературный, господствующій, вообще русскій, съ какимъ-нибудь изъ народныхъ нарѣчій, — или разсуждать о томъ, должно ли писать на областномъ нарѣчій, — или не понимать, что все хорошо кетати, на своемъ мѣстѣ, и не можетъ замѣнить одно другого, какъ не можетъ быть одной для всѣхъ одежды, какъ не можетъ быть цвѣтка безъ листьевъ, а листьевъ безъ корней. Теперь уже рѣдко кто можетъ думать, что люди, написавшіе что-нибудь удачно на какомъ-нибудь народномъ нарѣчій, принесли бы больше пользы для литературы, если бы писали на литературномъ языкѣ. Развитіе частей не вредитъ жизни и красѣ цѣлаго, составляя, напротивъ того, условіе его совершенства; такъ и развитіе отдѣльныхъ отраслей языка служитъ къ общему его богатству и совершенству... Хорошія сочиненія на языкѣ народномъ, кромѣ пользы для простаго народа, которому вполнѣ понятенъ только его собственный способъ выраженія, кромѣ необходимости ихъ для изображенія народа его собственной рѣчью, въ которой выражается народная особенность, ничѣмъ не передаваемая на другомъ языкѣ, — также чрезвычайно важны для познанія народныхъ нарѣчій». Подобныя мысли Метлинскій вскорѣ затѣмъ, въ 1854 г., высказалъ въ предисловіи къ «Народнымъ южно-русскимъ пѣснямъ». «Я утѣшался и одушевлялся мыслью, говорить Метлинскій, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ

слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе, и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, истиннаго его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между единовѣрными и единокровными сынами и племенами...

«Народныя южно-русскія пѣсни» (Кіевъ, 1854) весьма цѣнный сборникъ народнаго пѣснотворчества, до сихъ поръ сохраняющій художественное значеніе, какъ сборникъ прекрасныхъ поэтическихъ произведеній, долгое время главная справочная книга для выдающихся ученыхъ филологовъ и этнографовъ. Уже по числу пѣсень сборникъ Метлинскаго былъ выдающимся въ свое время явленіемъ. Самое богатое до него изданіе — Максимовича — 1827 г. заключало 130 №№, у Метлинскаго свыше четырехсотъ; пѣсни раздѣлены на 6 отдѣловъ: 1) пѣсни «житейскія», или колыбельныя, любовныя, свадебныя, семейно-родственныя и поминальныя; 2) пѣсни «годовыя» — веснянки, русальныя, купальныя, петровочныя, косарскія, гребцкія, жайничныя и осеннія; 3) пѣсни и думы поучительныя; 4) пѣсни и думы былевые; 5) пѣсни бытовые или казацкія, чумацкія, бурлацко-сиротскія, солдатскія, промышленныя и 6) пѣсни «шутливыя». Дѣленіе это не выдерживаетъ критики, что уже и было отмѣчено въ отзывахъ того времени; но тогда же въ оправданіе Метлинскаго было замѣчено, что «вообще расположеніе пѣсень довольно трудное дѣло, и противъ всякаго почти можно будетъ кое-что сказать». Сборникъ Метлинскаго былъ замѣченъ въ научной литературѣ и вызвалъ много рецензій — въ «Вѣстн. Геогр. Общ.» 1854, XII, 13—40 (весьма похвальную, большую и дѣльную), «Москвитининъ» 1855, IV, «Отеч. Зап.» 1855, «Соврем.» 1855, т. 50. Въ большой и дѣльной рецензій неизвѣстнаго автора въ «Вѣст. Геогр. Общ.» сказано, что сборникъ Метлинскаго «займетъ почетное мѣсто въ нашей этнографической литературѣ... и всякій, занимающійся изученіемъ народной словесности, тысячу разъ поблагодаритъ Метлинскаго за его прекрасный сборникъ».

Оригинальныя стихотворенія Метлинскаго изданы въ Харьковѣ въ 1839 г. подъ заглавіемъ: «Думы и пѣсни та ще де що» (210 стр.). Сначала (1—35) идутъ замѣтки относительно южно-русскаго языка, съ восторженными похвалами малорусскому языку, мѣстами съ большими погрѣшностями, напр., въ замѣчаніяхъ, что по-малорусски «говорили первые лѣтописцы», что «польскій языкъ лучшія свойства и богатство свое занялъ отъ языка южно-русскаго». Метлинскій выражаетъ сожалѣніе, что южно-русскій языкъ со дня на день забывается и молкнетъ, съ пессимистическимъ заключеніемъ: «придетъ время — забудется и смолкнетъ». Въ сборникъ 28 оригинальныхъ стихотвореній и около 40 переводныхъ

съ языковъ нѣмецкаго, чешскаго, польскаго, сербскаго и словацкаго. Метлинскій хорошо владѣлъ малорусскимъ языкомъ, но поэтическаго таланта у него не было, и потому всѣ его стихотворенія и переводы тяжелы и не выдержаны. Общій тонъ меланхолическій, грустный. Есть посвященія Квиткѣ, Артемовскому-Гулаку и Костомарову. Мѣстами слышатся отзвуки народныхъ сказаній (Подземная церковь, Перекати-поле), мѣстами обнаруживаются казацко-патріотическія настроенія. Въ частыхъ обращеніяхъ къ высокимъ могиламъ, степи, Днѣпру чувствуется скорое появленіе Шевченка. Отношеніе къ Великороссіи, къ Москвѣ любовное и доброжелательное. Лучшія по гуманизму стихотворенія: «Дитына-сыротины», «Старець», «До гостей», «Добрыдень». Изъ малорусскихъ поэтовъ послѣдующаго времени у Шевченка и Щоголева есть кое-что, напоминающее Метлинскаго, напр., первыя его строфы въ стихотвореніи «Смерть бандуриста»:

Буря вие, завыває,
И сосновый бирь трощить,
Въ хмарахъ блискавка палає,
Гримъ за гримомъ грикотыть,
Ничъ то углемъ вся зчорніє,
То якъ кровъ зачервоніє.
Днипръ клокаче, стогне, плаче...

Вліяніе этого стихотворенія чувствуется въ первыхъ строкахъ стихотворенія Шевченка «Рече та стогне Днипръ широкий».)

Изящное стихотвореніе Щоголева «Косари», повидимому, внушено стихотвореніемъ Метлинскаго «Добрыдень»:

Добрыдень!
Глянь, якій усюды день:
Свить вже въ хати, и на двори
Вже зібрались косари,
Та въ клепала: дзень, дзень, дзень!
Добрыдень!....

Автобіографическое значеніе имѣетъ стихотвореніе «Бабусенька»—о нянѣ, распѣвающей пѣсни, и отчасти «Ничъ», гдѣ описывается поѣздка въ ночное время по Пелу. Послѣднее стихотвореніе начинается такой картинкой:

Мени въ пам'ятку ничъ, якъ
Сили въ човенъ старый дякъ,
Дякъ да я, тай махнули...
Та и тихій лежавъ тоди Пело,
И, гладенькій, блещавъ
Якъ бы скло:
Версть пять лыбонь чулы,
Якъ глубосне весло,
И мовъ срибны зирки,
Заблещать крапельки,
И прытыхне впиать Пело.....

Въ концѣ приложены словарики малорусскихъ словъ («для великороссіянъ») и списокъ лицъ, подписавшихся на сборникъ, всего 72 подписчика на 80 экземпляровъ. Въ числѣ подписчиковъ были: гр. А. Г. Строгановъ, кн. Н. А. Цертелевъ, кн. И. А. и А. А. Шаховскіе; профессоры Артемовскій-Гулакъ, Альбрехтъ, Валицкій, Калениченко, Срезневскій, Клобуцкій, Словицкій; кандидаты университета Костомаровъ, Рославскій и Тихоновичъ; 10 студентовъ. Стихотворенія напечатаны особымъ правописаніемъ, съ сохраненіемъ ѣ,—правописаніемъ, не удержавшимся въ литературѣ. Проф. Дашкевичъ въ біографіи Метлинскаго говоритъ, что стихъ его не всегда легокъ и звученъ, поэтический талантъ не особенно значителенъ, но все же «поэтъ заслуживаетъ добраго воспоминанія». Съ этимъ можно согласиться, если принять во вниманіе не стихъ Метлинскаго, вообще тяжелый и сухой, а доброе настроеніе автора и вліяніе его на послѣдующую украинскую литературу.

Сочиненія Метлинскаго: О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ, Харьк. 1839, стр. 122. — Думки и пѣсни та ще де що, съ замѣтками о южно-русскомъ языкѣ, переводами съ языковъ славянскаго и нѣмецкаго, Харьк. 1839, стр. 191. — Памятники для исторіи языка и словесности южно-русской, Харьк. 1840, стр. 71 и въ Харьк. Губ. Газ. — Объ истинномъ значеніи поэзіи, Рѣчь, Харьк. 1843. — Южно-русскій сборникъ, Харьк. 1848, стр. 60 + 108 + 44 + 72 + 92 = 376. — Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи, Харьк. 1850, стр. 78. — Байки и прибаутки Боровиковскаго, съ предисл. Метлинскаго, Кіевъ. 1850, стр. XII + 118. — О собраніи, приведеніи въ порядокъ, приготовленіи къ изданію и печатаніи народныхъ пѣсень и др. произведеній народной словесности (въ Черн. Губ. Вѣд. 1853, № 23 и т. д.). — Программа для собранія свѣдѣній по народному языку (въ III т. Труд. комис. для опис. губ. Кіев. учеб. окр. 1854). Рецензія на эту программу въ Извѣст. Имп. Ак. Наукъ, 1855, 83. — Народныя южно-русскія пѣсни, съ предисл. Метлинскаго, Кіевъ, 1854; XVIII + 472. (Рец. поимен. выше). — О жизни и трудахъ проф. Гречины, въ Харьк. Вѣд. (1854). — Не напечатанныя (вѣроятно, курсы лекцій): „Введеніе въ науку словесности“, „Наука языка по Стедлеру“, „Теорія прозы по Гиллебрандту“, „Эстетика по Фикеру“¹⁾.

Н. О. Сумцовъ.

Лавровскій Николай Алексѣевичъ род. въ 1828 г. въ Тверской губ., въ семьѣ сельскаго священника и вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Петромъ съ малыхъ лѣтъ обнаружилъ любовь къ ученію и большія способности. Вышее образованіе Н. А. получилъ въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, гдѣ пробылъ девять лѣтъ. Проф. А. И. Смирновъ

¹⁾ Списокъ соч. Метлинскаго составленъ по ст. проф. Дашкевича въ Біогр. Словарѣ проф. унив. св. Владиміра, акту Харьк. унив. 1858 г. и дѣлу совѣта Имп. Харьк. унив. 1856, № 328. О сборникѣ южно-русскихъ пѣсень Метлинскаго см. въ 3 кн. Извѣст. 2 отд. Имп. Акад. Наукъ. 1904 г.

въ «Очеркъ педаг. и учено-литер. дѣятельности Н. А. Лавровскаго» говорить, повидимому, со словъ самого Н. А., что «время пребыванія Н. А. Лавровскаго въ институтѣ, 40 годы, было блестящимъ періодомъ этого учебнаго заведенія и въ воспитательномъ, и учебномъ отношеніяхъ. Почти все время у воспитанниковъ проходило въ учебныхъ занятіяхъ, и всѣ интересы ихъ сосредоточивались на учебныхъ предметахъ. Въ 7 часовъ, вслѣдъ за утренней молитвой, читалось греческое евангеліе, и греческій урокъ продолжался до 9 часовъ, до завтрака; за нимъ слѣдовали другіе уроки до обѣда и послѣ обѣда, а вечеромъ приготовленіе къ урокамъ, и въ старшихъ университетскихъ отдѣленіяхъ—самостоятельныя научныя занятія. Такая школа была нелегка; но она давала положительныя знанія, приучала къ труду и терпѣнію, добросовѣстному исполненію обязанностей. Выпускъ, когда Н. А. окончилъ курсъ, былъ выдающійся. вмѣстѣ съ нимъ окончили курсъ родной его братъ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, впослѣдствіи попечитель Оренбургскаго, затѣмъ Одесскаго учебнаго округа, двоюродный ихъ братъ И. А. Вышнеградскій, впослѣдствіи министръ финансовъ, быв. проф. Новорос. университета Р. В. Орбинскій. Оба брата Лавровскіе при окончаніи курса получили золотыя медали. По представленію своего учителя, эллиниста Грефе, Н. А. былъ оставленъ въ званіи адъюнкта по кафедрѣ греческой и латинской словесности (17 авг. 1851 г.). По свидѣтельству г. А. Будиловича, Н. А. любилъ впослѣдствіи вспоминать это время, когда ему приходилось объяснять студентамъ на латинскомъ языкѣ Гомера и греческихъ трагиковъ. Уже въ началѣ 50-хъ годовъ Н. А. совместно съ братомъ, подъ вліяніемъ тогдашняго профессора института по кафедрѣ славяно-русской филологіи Изм. И. Срезневскаго, сталъ заниматься русской словесностью. Онъ вступилъ на ученое поприще съ цѣнной монографіей: «О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками» (СПб. 1853)¹⁾. Благодаря прекрасному знакомству съ греческимъ языкомъ не только древняго, но и средняго, византійскаго періода, Н. А. успѣлъ разъяснить много темныхъ мѣстъ въ этихъ договорахъ. Рецензія на этотъ трудъ дана въ Изв. Им. Акад. Н., т. II, 67—68. 25 авг. 1852 г. Н. А. былъ переведенъ въ Харьковскій университетъ въ званіи адъюнкта, а съ 22 іюня 1855 г. состоялъ экстр-орд. профессоромъ по кафедрѣ педагогики, которую онъ занималъ до 8 окт. 1855 г. Н. А. основательно изучилъ теоретическія и историческія основы этой науки, которыя могъ провѣрить на дѣлѣ, какъ университетскій преподаватель и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ членъ комитета для испытанія лицъ, ищущихъ званія домашняго учителя, наконецъ, какъ визитаторъ или ревизоръ средне-учебныхъ заведеній.

¹⁾ Перепечатано въ Русск. Филологич. Вѣсти. 1904. IV—V.

Въ конфиденціальныхъ отчетахъ ректора Рославскаго-Петровскаго «О духѣ и направленіи преподаванія въ Им. Харьк. унив. въ 1855 г.» сказано, что проф. Лавровскій читалъ исторію воспитанія и теорію педагогіи, кромѣ того, занималъ своихъ слушателей педагогическими упражненіями. Преподаваніе педагогіи происходило согласно съ современнымъ ея состояніемъ, при чемъ каждое педагогическое положеніе принималось только послѣ разбора мнѣній лучшихъ современныхъ педагоговъ. Такое направленіе преподаванія, съ одной стороны, сообщало прочность педагогическимъ выводамъ, съ другой стороны—знакомило слушателей съ литературою науки. Убѣжденный въ томъ, что наука о воспитаніи и обученіи должна находиться въ тѣснѣйшей связи съ жизнью, должна исходить изъ жизни, дѣйствовать на жизнь, преподаватель старался освободить свое изложеніе отъ того отвлеченнаго характера, которымъ нерѣдко отличаются современные педагогическія сочиненія, сообщить ему живость и наглядность и вести его въ непрерывномъ обращеніи къ воспитательной и дидактической практикѣ. Въ послѣднемъ отношеніи весьма важнымъ способомъ служили практическія упражненія, состоявшія, во-первыхъ, въ письменномъ рѣшеніи вопросовъ, преимущественно изъ области дидактики, предложенныхъ на опредѣленный срокъ и, во-вторыхъ, въ устномъ изложеніи студентами предварительно заданныхъ имъ темъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на приемы и способы изложенія вообще. Преподаватель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ двояко: отрицательно.—исправляя недостатки, и положительно,—указывая на лучшіе способы изложенія. Отзывъ этотъ повторялся изъ года въ годъ, съ небольшими измѣненіями. Такъ, въ отчетѣ за 1859-60 годъ сказано, что студенты посѣщали гимназію, гдѣ занимались преподаваніемъ разныхъ предметовъ, по назначенію профессора. Въ отчетахъ 1855-56 и 1856-57 указано, что Лавровскій пользовался, какъ пособиями, сочиненіями Шварца, Нимейера, Раумера и др.

Впервые въ 1856-57 и вслѣдъ затѣмъ въ нѣсколько послѣдующихъ лѣтъ Н. А. читалъ лекціи о русскомъ языкѣ. Въ отчетѣ ректора университета Фойхта о духѣ и направленіи преподаванія въ Им. Харьк. ун. за 1856-57 г. дана такая официальная оцѣнка этимъ лекціямъ: «Исторія русскаго языка читана была въ первый разъ э.-о. проф. Лавровскимъ. Руководствуясь идеей, что въ языкѣ заключается разумъ народа и его взглядъ на міръ внѣшній и внутренній, преподаватель старался показать послѣдовательное развитіе отечественнаго языка въ связи съ обстоятельствами жизни русскаго народа, предпославъ введеніе, въ которомъ показаны значеніе, объемъ и содержаніе исторіи русскаго языка и отношеніе послѣдняго къ языкамъ индо-европейскимъ и соплеменнымъ ему нарѣчіямъ славянскимъ, опредѣлены границы русскаго языка и poste-

пенное ихъ распространеніе, разсмотрѣны нарѣчія и говоры русскаго языка и отличительныя черты ихъ. Раздѣливъ исторію русскаго языка на два періода: а) отъ начала письменности до конца XV в. и б) отъ конца XV в. до настоящаго времени, Лавровскій для представленія по возможности полной и вѣрной характеристики отечественнаго языка, и главнѣйшихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ теченіе времени въ его составѣ, подвергалъ подробному анализу всѣ замѣчательныя явленія русской словесности, преимущественно тѣ, въ которыхъ яснѣе и точнѣе высказалась жизнь народа и въ которыхъ съ большою полнотою и ясностью представляются измѣненія и совершенствованія возрѣвшаго народа, выразившіяся въ словѣ, напр.: лѣтописи, поученія отцовъ церкви, правительственные акты, произведенія народной литературы, произведенія писателей, содѣйствовавшихъ развитію русскаго языка со стороны художественной и народной». Этотъ отзывъ повторяется дословно и въ отчетѣ за 1857-58 г.

Одновременно съ лекціями шли другія научныя работы. Въ 1854 г. вышла прекрасная монографія Н. А. «О древне-русскихъ училищахъ». Современная рецензія И. И. Срезневскаго въ IV т. «Извѣст. И. А. Наукъ» (стр. 246) нѣсколько строга. Тутъ сжато и кратко отмѣчены слабыя стороны диссертации и частные пропуски, напр., обученія языку, о способахъ распространенія знанія Закона Божія, кромѣ церковныхъ поученій, объ иконописныхъ школахъ, но при всемъ томъ диссертация названа «важнымъ подаркомъ любителямъ отечественныхъ древностей». Проф. А. И. Смирновъ въ 1890 г. въ оцѣнкѣ диссертации Н. А. о древне-русскихъ училищахъ подчеркнул, что Н. А. «одинъ изъ первыхъ обратился къ аналогіямъ изъ византійскаго быта для объясненія явленій древне-русской жизни и тѣмъ указалъ новый путь изслѣдователямъ нашей старины». А. С. Будиловичъ говоритъ, что монографія Н. А. о школахъ составлена на основаніи очень детальнаго и критическаго изученія древне-русской письменности, а также памятниковъ византійскихъ и западныхъ, въ ихъ научной разработкѣ и въ связи съ общей исторіей и теоріей педагогики».

Съ 50 и до 70-хъ годовъ Н. А. читалъ лекціи по исторіи русской литературы, и всѣ главные его учено-литературные труды относились къ области исторіи русской литературы.

Въ конфиденціальныхъ отчетахъ ректора Рославскаго-Петровскаго «о духѣ и направленіи преподаванія въ Ин. Хар. Ун. за 1855—1861 уч. годъ» сказано: «... проф. Лавровскій старался ознакомить слушателей съ современнымъ взглядомъ на науку словесности и ея обработкою. Понимая словесность, какъ живое выраженіе народнаго духа, онъ съ особенной подробностью разсматривалъ тѣ народно-поэтическія произведенія

каждой эпохи отечественной литературы, которыя имѣли тѣсную связь съ народной жизнью и оказывали наибольшее зліяніе на послѣднюю. При такомъ направленіи преподаванія, общее изложеніе исторіи литературы входило въ органическую связь съ особыми часами, специально назначенными для эстетическаго анализа образцовыхъ художественныхъ произведеній русской литературы. Та же связь подкрѣплялась и практическими упражненіями, которыя происходили подъ руководствомъ профессора и состояли въ чтеніи и разборѣ сочиненій студентовъ на темы, частью имп самими избранныя, частью назначенныя преподавателемъ». Отзывъ этотъ повторяется изъ года въ годъ съ небольшими измѣненіями.

Какъ ученикъ Н. А., пишущій эти строки по личнымъ воспоминаніямъ отмѣтилъ въ некрологѣ Н. А. въ 245 № Харьк. Вѣд. 1899 г., что Н. А. оставилъ по себѣ прекрасную память, какъ солидный ученый и отличный университетскій преподаватель. Н. А. прекрасно велъ чтеніе лекцій студентамъ по исторіи русской литературы, по временамъ прибѣгалъ къ практическимъ занятіямъ и помогалъ студентамъ въ ихъ домашнихъ работахъ путемъ совѣтовъ или выдачи книгъ изъ своей частной библіотеки. Построеніе лекцій отличалось стройностью и систематичностью. Съ перваго знакомства студенты видѣли въ Лавровскомъ компетентнаго ученаго, свободно и съ любовью трактовавшаго о явленіяхъ русскаго слова. Къ учащейся молодежи Н. А. относился весьма просто и дружелюбно.

Въ дѣлахъ совѣта И. Х. ун. (1859 г. № 57) сохранился интересный отчетъ Н. А. Лавровскаго о его занятіяхъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ 1859 г., свидѣтельствующій о большой научной его пытливости. Были прочитаны и изучены многія старинныя рукописи педагогическаго и литературнаго содержанія, наставленіе кн. Петру Мих. Черкасскому (XVII в.), Духовная Татищева (XVIII в.), слова Григорія Назіанзина XI в., Златоструй XII в., повѣсть о Варлаамѣ и Іосифѣ, списки Палей и Діоптры.

Изъ ученыхъ трудовъ Н. А. профессоры А. И. Смирновъ и А. С. Будиловичъ особенно высоко ставятъ книгу его о Ломоносовѣ 1865 г. «Въ авторѣ этой книги, говоритъ проф. Смирновъ, на каждой страницѣ проглядываетъ духъ, сродный съ духомъ великаго основателя и законоположника русской науки. При чтеніи этой книги русскій человѣкъ проникается глубокимъ уваженіемъ и любовью не только къ высокому предмету повѣствованія, но и вообще къ печальникамъ и борцамъ за русское просвѣщеніе, и чувствуетъ въ себѣ подъемъ національнаго духа, національнаго сознанія». Г. Будиловичъ въ заслугу Н. А. ставитъ, что онъ въ книгѣ о Ломоносовѣ возстановилъ объективную картину академическихъ отношеній и патріотическую цѣль «благородной упрямки» Ломоносова.